100 великих романов

Джордж Тобайас
СМОЛЛЕТТ

ПУТЕШЕСТВИЕ ХАМФРИ КЛИНКЕРА

100 великих романов

Тобайас Джордж Смоллет

Путешествие Хамфри Клинкера

«ВЕЧЕ»

1771

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)

Смоллет Т.

Путешествие Хамфри Клинкера / Т. Смоллет — «ВЕЧЕ», 1771 — (100 великих романов)

ISBN 978-5-4484-9113-9

Англия XVIII века. Состоятельный джентльмен Мэтью Брамбл выезжает на воды лечиться. Он не устает рассуждать о том, что в погоне за оздоровлением можно подцепить инфекцию, и все же, презрев опасности, берет с собой сестру, племянницу и племянника. Сестра Брамбла, девица не первой молодости, сохраняет надежду на замужество и полагает, что выезд на водный курорт – прекрасный шанс. Племянница стремится забыть несчастную любовь. Племянник ищет развлечений. А путешествующая с ними горничная сплетничает, причем новые поводы для сплетен появляются, когда к этой компании присоединяется конюх Хамфри Клинкер. Такова завязка романа, написанного классиком английской литературы Тобайасом Джорджем Смоллеттом (1721–1771). Это произведение, полное юмора, по праву считается вершиной творчества автора, оказавшего заметное влияние на других английских писателей – в том числе на Чарльза Диккенса.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-4484-9113-9

© Смоллет Т., 1771
© ВЕЧЕ, 1771

Содержание

Доктору Льюису 6
Миссис Гуиллим, домоправительнице в Брамблтон-Холле 7
Мисс Мэри Джонс, Брамблтон-Холл 8
Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса 9
Миссис Джермин, Глостер, собственный дом 10
Мисс Летиции Уиллис, в Глостер 11
Доктору Льюису 12
Мисс Лидии Мелфорд 15
Сэру Уоткину Филипсу, Оксфорд, колледж Иисуса 16
Сэру Уоткину Филипсу, Оксфорд, колледж Иисуса 19
Доктору Льюису 21
Мисс Летиции Уиллис, в Глостер 23
Сэру Уоткину Филипсу, Оксфорд, колледж Иисуса 25
Доктору Льюису 29
Мисс Уиллис, в Глостер 33
Мисс Мэри Джонс, Брамблтон-Холл 36
Миссис Гуиллим, домоправительнице в Брамблтон-Холле 38
Доктору Льюису 39
Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса 41
Доктору Льюису 46
Мисс Летиции Уиллис, в Глостер 49
Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса 50
Доктору Льюису 53
Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса 55
Мисс Мэри Джонс, Брамблтон-Холл 58
Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса 59
Доктору Льюису 62
Доктору Льюису 64
Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса 65
Доктору Льюису 70
Мисс Летиции Уиллис, в Глостер 73
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Тобайас Джордж Смоллетт
Путешествие Хамфри Клинкера

© ООО «Издательство «Вече», 2024

Доктору Льюису

Пилюли никуда не годятся, с таким же успехом я мог бы глотать снежки, дабы охладить мои почки, и я уже не раз твердил вам, как трудно мне двигаться; а кому знать, как не мне, состояние моего здоровья! Почему вы в них столь твердо уверены? Пропишите мне, пожалуйста, другое лекарство. Я хромаю и испытываю такую боль во всех членах, точно меня вздернули на дыбу. Я страдаю и телом и духом, и с меня хватит моих мучений, а тут еще дети моей сестры постоянно мне досаждают… Почему это люди только и думают, как бы обзавестись детьми, чтобы докучать своим ближним? С моей племянницей Лидией вчера произошел странный случай, и я так разволновался, что жду вот-вот припадка подагры… Может быть, в следующем письме я объяснюсь…

Завтра утром я отправлюсь в Бристоль на Горячие Воды, где, опасаюсь, мне придется пробыть дольше, чем было бы желательно. По получении сего письма пошлите туда Уильямса с моей верховой лошадью и demi-pique[1]. Скажите Барнсу, чтобы он обмолотил две скирды, а зерно послал на рынок и продал беднякам на шиллинг за бушель ниже рыночных цен: я получил от Гриффина плаксивое письмо, он предлагает публично признать свою вину и уплатить издержки… не желаю я никаких его признаний, и не нужны мне его деньги! Парень дурной сосед, и я не хочу иметь с ним никакого дела. Но ежели он бахвалится своим богатством, пускай платит за свою наглость. Пускай он даст пять фунтов на приходских бедняков, и я возьму назад исковое заявление, а пока что скажите Пригу, чтобы он задержал производство дела. Дайте вдове Моргана олдернейскую корову и сорок шиллингов на одежду детям. Но ни одному смертному не говорите об этом – она заплатит мне, когда ей будет сподручно. Мне хотелось бы, чтобы вы заперли все мои шкафы, а ключи взяли себе до нашей встречи. И еще прошу вас, возьмите мой железный ящик с бумагами на свое попечение.

Простите, дорогой Льюис, за хлопоты, которые причиняет вам любящий вас

М. Брамбл.

Глостер, 2 апреля

[1] Короткая пика, иначе эспонтон *(франц.)*.

Миссис Гуиллим, домоправительнице в Брамблтон-Холле

Миссис Гуиллим!

Когда это письмо будет вам вручено, непременно уложите в сундук, что стоит в моем чулане, и пошлите мне в бристольском фургоне нижеупомянутые вещи, то бишь: мою неглижа с розовым воротничком и с зелеными лентами, мое желтое платье из дамаста[2] и черное бархатное с коротким кринолином, голубую стеганую юбку, зеленую мантилью, кружевной передник, мой французский парик, мой чепец с лентами и шкатулочку с драгоценностями. Пускай Уильямс привезет также флакон с послабляющей водой доктора Хилла и слабительное для Чаудера. У бедного животного ужасный запор с той поры, как мы уехали из дому. Прошу особливо заботиться о доме, покуда семейство находится в отсутствии. Пускай в братниной комнате и у меня всегда горит огонь в камине. Служанки, все равно им делать нечего, могут сидеть за прялкой. Приделайте висячий замок к винному погребу и смотрите, как бы кто-нибудь из слуг не добрался до пива. И не забывайте каждый вечер до темноты запирать ворота. Садовник с помощником могут спать внизу, в прачечной, и охранять дом; пусть они возьмут мушкет и большую собаку. А вы зорко смотрите за служанками. Я знаю, что эта вертушка Мэри Джонс не прочь пошалить с мужчинами. Напишите мне, продана ли олдернейская телка, и сколько за нее дали, и сидит ли на яйцах старый гусак, и охолостил ли сапожник борова Дики, и как себя чувствует бедное животное после операции. Больше писать нечего, остаюсь ваша

Табита Брамбл.

Глостер, 8 апреля

[2] *Дамаст* – шелковая ткань с рисунком.

Мисс Мэри Джонс, Брамблтон-Холл

Милая Молли!

При первой нечайности я посылаю нежный привет вам и Сауле, нахожусь в добром здоровье, чего и вам желаю. И еще теперь, в такие холода, вы с Саулой берите к себе в постель мою бедную кошечку. Здесь, в Глостере, нам всем пришлось плохо: мисс Лидди оченно хотелось сбежать с комедянтом, а молодой хозяин и он учинили бы драку, но сквайр обратился к мэру и им помешали. Хозяйка приказала мне не говорить об этом ни одной душе христианской, а я и не буду, потому как мы, слуги, должны все видеть и ничего не сказывать. Но похуже всего было, что Чаудера, на беду, покусала собака мясника, и он вернулся домой ужасть какой, а с хозяйкой приключились истерики, но они скоро прошли. Послали привести доктора к Чаудеру, и он приписал ему спокойное лекарство, и он, слава богу, нынче поправляется. Прошу вас, позаботьтесь о моем сундучке и мешке, спрячьте их у себя под кроватью, а не то я боюсь, что теперь, когда меня нет, миссис Гуиллим пронюхает, какие у меня есть секреты. Джон Томас находится в добром здоровье, только все ворчит. Сквайр отдал какому-то бедняку старый кафтан, а Джон говорит, что его ограбили, отняли приработки. Я сказала, что ему по договору не положено получать на чай, но он говорит, что между деньгами на чай и приработками есть разница, и это верно. Все мы едем на Горячие Воды, где я выпью за ваше здоровьице стакан воды, с тем и остаюсь, дорогая Молли, ваша покорная слуга

У. Дженкинс.

Глостер, 2 апреля

Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса

Дорогой Филипс!

Я ничего так горячо не хочу, как доказать вам, что неспособен позабыть о той дружбе, которая завязалась между нами в колледже, или ею пренебречь, а потому начинаю переписку, которую при нашей разлуке мы пообещали друг другу поддерживать.

Я начинаю ее раньше, чем намеревался, чтобы вы имели возможность опровергнуть сплетни, возникшие в ущерб мне, может быть, в Оксфорде, касательно глупой ссоры, в которую я ввязался из-за сестры, учившейся там в пансионе.

Когда вместе с дядей и теткой, нашими опекунами, я явился в пансион, чтобы взять ее оттуда, я нашел там семнадцатилетнюю изящную, стройную девушку с премилым лицом, но удивительную простушку, решительно ничего не ведающую о жизни. И вот к ней-то, столь неопытной и обладающей таким нравом, стал приставать с домогательствами некий человек я даже не знаю, как его назвать, – который видел ее в театре, и с присущей ему дерзостью и ловкостью добился того, что был ей представлен. По чистой случайности я перехватил одно из его писем.

Почтя своим долгом пресечь эти отношения в самом зародыше, я принял меры, чтобы его разыскать и сообщить ему без обиняков, что я по сему поводу думаю. Франту не понравилось мое обращение, и он повел себя чересчур смело. Хотя его положение в обществе не внушает никакого уважения к нему и мне даже совестно говорить, кто он такой, но держал он себя с отменной смелостью, почему я и признал за ним права джентльмена, и, если бы в это дело не вмешались, наша встреча могла бы иметь последствия.

Короче говоря, все это дело, не знаю каким образом, получило огласку и вызвало большой шум – оно дошло до суда – и – я был вынужден дать честное слово, и завтра поутру мы отправляемся на Бристольские Воды, где я буду ждать с обратной почтой от вас вестей.

Родственники у меня чудаки, и как-нибудь я попытаюсь рассказать о них подробней, что вас, несомненно, позабавит. Моя тетка, мисс Табита Брамбл, – старая дева сорока пяти лет, весьма жеманная, суетная и смешная. Мой дядя – своенравный чудак, всегда чем-нибудь раздражен, и обхожденье у него такое неприятное, что я готов был бы отказаться от наследственных прав на его поместье, только бы не находиться с ним в одной компании. Впрочем, нрав у него испортился из-за подагры, которая его мучит, и, быть может, при ближайшем знакомстве он мне больше понравится. Достоверно известно, например, что слуги его и соседи по имению в восторге от него, но пока я не могу понять, по какой причине. Передайте привет Гриффи Прайсу, Гуину, Манселу, Бассету и остальным моим приятелям-валлийцам[3]. Кланяйтесь горничной и кухарке и, пожалуйста, позаботьтесь о Понто ради его старого хозяина, который был и остается, дорогой Филипс, вашим любящим другом и покорным слугой

Дж. Мелфордом.

Глостер, 2 апреля

[3] *Валлиец* – уроженец Уэльса.

Миссис Джермин, Глостер, собственный дом

Дорогая мадам!

Лишенная родной матери, я надеюсь, что вы разрешите мне отвести душу, раскрыв мое бедное сердце вам, которая всегда была для меня вместо доброй родительницы с той самой поры, как меня отдали на ваше попечение. Право, право же, достойная моя воспитательница может поверить мне, если я скажу ей, что никогда не было у меня никаких дурных помыслов, но одни лишь добродетельные мысли, и, если господь будет милостив ко мне, никогда не наброшу я тени на ту заботу, с коей занимались вы моим воспитанием.

Каюсь, я дала справедливый повод к негодованию, но лишь потому, что мне не хватало осторожности и опыта. Не надлежало мне прислушиваться к словам этого молодого человека, и мой долг был поведать вам обо всем происшедшем. Но я постыдилась упоминать об этом, а он в обращении своем был так скромен и почтителен и казался столь чувствительным и робким, что я не нашла мужества в своем сердце совершить поступок, который мог повергнуть его в уныние и отчаяние. Что до маленьких вольностей, то я уверяю вас: никогда не дозволяла я ему поцеловать меня, а что до тех немногих писем, которыми мы обменялись, то все они находятся в руках у моего дядюшки, и, я надеюсь, в них нет ничего погибельного для невинности и чести. Я все еще убеждена, что он не тот, за кого выдает себя, но откроется это только со временем, а покамест я приложу старания позабыть о знакомстве, стол неприятном моему семейству.

С той поры как меня поспешно увезли от вас, я плакала, не осушая глаз, и три дня ничего в рот не брала, кроме чаю, и глаз не смыкала три ночи напролет. Тетушка не перестает сурово бранить меня, когда мы остаемся одни, но я надеюсь со временем смягчить ее смирением и покорностью. Дядюшка, который так ужасно бушевал вначале, был растроган моими слезами и сокрушением и теперь полон нежности и состраданья, а мой брат примирился со мною, когда я обещала порвать всякие сношения с этим несчастным юношей. Но, несмотря на все их снисхождение, я не успокоюсь, покуда не узнаю, что моя дорогая и вечно почитаемая воспитательница простила свою бедную, безутешную, одинокую, любящую и смиренную до самой смерти

Лидию Мелфорд.

Клифтон, 6 апреля

Мисс Летиции Уиллис, в Глостер

Моя бесценная Летти!

Я в таком страхе, будет ли это письмо благополучно доставлено вам через нарочного Джарвиса, что умоляю вас по получении письма написать мне безопасности ради на имя мисс Уинифред Дженкинс, горничной моей тетушки; она добрая девушка и так сочувствовала мне в моей беде, что я сделала ее своей наперсницей. Что до Джарвиса, то он очень боялся принять на себя заботу о моем письме и маленьком свертке, потому что сестра его Салли едва не лишилась из-за меня места. Поистине я не могу хулить этого человека за осторожность, но я не оставила его без награды.

Дорогая моя подруга и товарка по комнате, горести мои жестоко усугубляются тем, что я лишена вашего приятного общества и беседы в то время, когда я столь нуждаюсь в утешительном вашем добросердечии и здравых суждениях; но, надеюсь я, дружба, завязавшаяся между нами в пансионе, будет длиться до конца жизни. Со своей стороны я не сомневаюсь, что она будет с каждым днем расти и крепнуть, по мере того как я набираюсь опыта и учусь понимать цену истинного друга.

О моя дорогая Летти! Что скажу я о бедном мистере Уилсоне? Я обещала порвать все сношения с ним и, если сие возможно, забыть его, но, увы, я начинаю убеждаться, что это не в моей власти. Отнюдь не подобает, чтобы портрет оставался в моих руках; он мог бы послужить причиной новых бед, а потому я посылаю его вам с этой оказией и прошу вас либо сохранить его до лучших времен, либо вернуть самому мистеру Уилсону, который, как я полагаю, постарается встретиться с вами в обычном месте. Если, получив от меня назад свой портрет, он придет в уныние, вы можете сказать ему, что нет надобности мне хранить портрет, если его лицо остается запечатленным в моем… Но нет! Я не хочу, чтобы вы говорили ему это, так как должно положить конец… я хочу, чтобы он позабыл меня ради собственного спокойствия душевного, и, однако, если бы это случилось, значит, он жестокосердный… Но это невозможно! Лживым и непостоянным бедный Уилсон быть не может! Я умоляю его не писать мне какой-то срок и не пытаться меня увидеть, так как гнев и горячий нрав моего брата Джерри могут привести к последствиям, которые сделают всех нас несчастными навеки. Доверимся же времени и непредвиденным случайностям, или, вернее, провидению, которое не преминет рано или поздно вознаградить тех, кто идет по стезе чести и добродетели!

Я хотела бы передать нежный привет молодым леди, но никому из них не надлежит знать, что вы получили это письмо. Если мы поедем в Бат, я буду присылать вам мои незатейливые заметки об этом знаменитом центре светских увеселений, а также и о других местах, какие нам случится посетить. И я льщу себя надеждой, что моя дорогая мисс Уиллис будет аккуратно отвечать на письма любящей ее

Лидии Мелфорд.

Клифтон, 6 апреля

Доктору Льюису

Любезный Льюис!

Я последовал вашим указаниям не без успеха и теперь был бы уже на ногах, ежели бы погода позволила мне пользоваться моей верховой лошадью.

В этот вторник я поехал утром на холмы, когда на небе до самого горизонта не было ни единого облачка, но не проехал и мили, как вдруг неожиданно полил такой дождь, что минуты в три я промок до костей. И откуда он взялся, черт его знает! Но он уложил меня в постель, думается мне, недели на две. Я и слышать не могу, когда хвалят «чистый воздух» на Клифтонских холмах! Как может воздух быть приятен и целебен там, где постоянно спускается чертов туман и моросит дождь?

Мое вынужденное пребывание в постели тем более невыносимо, что дома мне очень досаждают. Племянница моя сильно хворала после того проклятого происшествия в Глостере, о чем я вам писал в последнем письме. Она – добрая простушка, мягкая, как воск, и так же легко растапливается, но она не дура, ее девические таланты не остались втуне и образованием ее не пренебрегали: она пишет без ошибок, говорит по-французски, играет на арфе, танцует превосходно; к тому же она миловидна и у нее хорошие наклонности, но ей не хватает живости, она весьма чувствительна, и – ох! как она нежна! – у нее томные глаза, и она читает романы.

У меня живет также ее брат, сквайр Джерри, дерзкий щеголь, набравшийся в колледже дури и самоуверенности, спесивый, как немецкий граф, и такой же горячий и запальчивый, как валлийский горец.

Что до этого чудного животного – моей сестрицы Табби, – то вы ее знаете. Клянусь богом, она подчас бывает столь невыносима, что мне кажется, будто в нее воплотился дьявол, дабы мучить меня за мои прегрешения. Но я не знаю за собой никаких грехов, которые навлекли бы на меня такое семейное бедствие, так почему же, черт побери, мне не избавиться сразу от всех этих мучений? Слава богу, я не женат на Табби! И не я породил тех двоих. Пусть выберут другого опекуна, а мне и без того нелегко заботиться о самом себе и куда уж там надзирать за поведением ветреных мальчишек и девчонок!

Вам хочется знать подробности наших приключений в Глостере. Вкратце они таковы, и, надеюсь, продолжения их не последует.

Лидди была закупорена в пансионе, который оказался столь же плохим учебным заведением для девушек, как и монастырь, – хуже ничего нельзя было придумать! – и там она стала так же легко, как трут, воспламеняться. И вот, отправившись как-то в праздник на театральное представление – черт возьми, стыдно вам говорить! – она влюбилась в одного из актеров, красивого молодого парня по фамилии Уилсон. Негодяй скоро заметил, какое произвел на нее впечатление, и ухитрился встретиться с ней в одном доме, куда она приглашена была со своей воспитательницей на чай. И у них началась переписка, которую они вели через одну шельму – шляпницу, мастерившую капоры для воспитанниц пансиона.

Когда мы приехали в Глостер и Лидди переселилась на квартиру к тетке, Уилсон подкупил служанку, чтобы та передала Лидди письмо. Но Джерри завоевал такое доверие у служанки (каким путем – ему лучше знать!), что та передала письмо ему, и, таким образом, тайна обнаружилась. Не сказав мне ни слова, горячий мальчишка немедля разыскал Уилсона и, кажется, обошелся с ним довольно грубо. Театральный герой зашел слишком далеко в своем романическом приключении, чтобы снести такое обхождение, ответил белыми стихами, а засим последовал вызов. Они условились встретиться на следующий день поутру и порешить спор шпагой и пистолетом.

Я ровно ничего об этом не ведал, покуда у моей постели не появился утром мистер Морлей, который выразил опасение, не отправился ли мой племянник драться на поединке, ибо

накануне вечером между ним и Уилсоном, на квартире последнего, произошел подслушанный Морлеем горячий спор, после чего они отправились в лавку по соседству купить пороху и пуль. Я тотчас же вскочил с постели и убедился, что племянник и в самом деле ушел. Засим я попросил Морлея разбудить мэра, дабы тот мог вмешаться в это дело как судья, а сам заковылял вдогонку за молодым сквайром, которого увидел вдалеке; он быстрыми шагами направлялся к городским воротам.

Несмотря на все мои усилия, я доковылял до места поединка только тогда, когда дуэлянты заняли свои места и насыпали порох на затравку своих пистолетов. По счастью, какой-то старый дом скрывал меня от их глаз, так что я на них обрушился, прежде чем они успели меня заметить.

Оба они растерялись и пустились было наутек в разные стороны. Но тут подоспел с констеблями Морлей, арестовал Уилсона, а Джерри покорно последовал за ним к дому мэра. Я ровно ничего не знал о том, что же произошло накануне, а дуэлянты хранили полное молчание. Мэр заявил, что со стороны Уилсона, странствующего комедианта, было весьма самонадеянно доводить дело до крайности в споре с джентльменом богатым и хорошего рода, и пригрозил засадить его в тюрьму по закону о бродягах. Но парень весьма горячился, заявляя, что он джентльмен и с ним надлежит обходиться как с таковым, а от дальнейших объяснений отказался. Послали за хозяином труппы, расспросили его об Уилсоне, и он сказал, что парень поступил в труппу в Бирмингеме с полгода назад, но жалованья никогда не брал, отличался хорошим поведением, заслужил уважение всех знавших его, и его, как комедианта, публика весьма ценила. Мне пришло в голову, что он беглый ученик какого-нибудь лондонского ремесленника или купца.

Хозяин труппы предложил внести за него поручительство на любую сумму, если он даст честное слово вести себя, как полагается. Но юный джентльмен хорохорился и не желал брать на себя никаких обязательств. С другой стороны, и Джерри проявлял такое же упрямство, покуда наконец мэр не объявил, что, если они оба не обязуются прекратить ссору, он незамедлительно заключит Уилсона в тюрьму и приговорит к тяжелым работам за бродяжничество. Признаюсь, мне очень поправилось поведение Джерри. Он заявил, что не желает, чтобы Уилсона подвергали такому позору, и дает честное слово больше ничего не предпринимать, пока находится в Глостере. Уилсон поблагодарил его за такое великодушное поведение и был отпущен.

Возвращаясь вместе со мной домой, племянник рассказал, в чем было дело, и, признаюсь, я взбесился. Лидди была призвана к ответу и под градом упреков, которыми осыпала ее эта дикая кошка – моя сестра Табби, поначалу лишилась чувств, потом разразилась потоком слез и наконец призналась в переписке, после чего отдала три письма, полученные от ее обожателя. Последнее письмо, перехваченное Джерри, я при сем прилагаю, а когда вы его прочтете, мне кажется, вас не удивит, что сей сочинитель столь успешно завоевал сердце простодушной девицы, ровно ничего не ведающей о людях.

Я решил, что надо безотлагательно прервать столь опасные отношения и на следующий день увезти ее в Бристоль. Но бедняжку так устрашили и напугали наши упреки и угрозы, что на четвертый день нашего пребывания в Клифтоне она захворала, и в течение целой недели мы опасались за ее жизнь. Только вчера доктор Ригг объявил, что опасность миновала. Вы и представить себе не можете, как я мучился – отчасти из-за нескромного поступка этого бедного ребенка, но куда больше из боязни потерять ее навсегда!

Здесь невыносимо холодно и место весьма мрачное. Стоит мне пойти к источнику, как я возвращаюсь в прескверном расположении духа, ибо там встречаю я несколько истощенных бедняг в последней стадии чахотки, похожих на привидения; они изо всех сил стараются протянуть зиму и напоминают южные растения, в теплицах прозябающие, но по всем видимостям сойдут в могилу, прежде чем солнце своим теплом смягчит сию суровую весну. Ежели вы

полагаете, что Батские Воды принесут мне пользу, я отправлюсь туда, как только племянница сможет вынести переезд в карете.

Передайте Барнсу, что я благодарен за совет, но не вздумайте ему следовать. Если Дэвис по своей воле хочет отказаться от фермы, она, разумеется, перейдет в другие руки; но не стану я теперь разорять своих арендаторов потому, что им не повезло и они не могут вносить в срок арендную плату. Удивляюсь, как это Барнс может предположить, что я способен на такие притеснения. Что же до Хиггинса, то этот парень – известный браконьер; он, негодный плут, ставит силки на моих землях, но, должно быть, он полагает, будто имеет право, особливо в моем отсутствии, брать себе часть того, что природа как будто предназначила для общего пользования. Угрожайте от моего имени сколько хотите, а ежели он снова нарушит закон, сообщите мне, прежде чем обращаться к правосудию. Я знаю, что вы большой любитель псовой охоты и доставляете удовольствие многим вашим друзьям; едва ли мне нужно вам говорить, что вы можете пользоваться моими угодьями сколько хотите, но должен признаться, я больше боюсь своего охотничьего ружья, чем своей дичи. Когда вы сможете уделить две-три пары куропаток, пришлите их с почтовой каретой. И скажите Гуиллим, что она забыла положить в дорожный сундук мое фланелевое белье и чулки попросторней. Как повелось, я буду беспокоить вас время от времени своими поручениями, покуда вы не утомитесь от переписки с вашим верным другом

М. Брамблом.

Клифтон, 17 апреля

Мисс Лидии Мелфорд

Мисс Уиллис объявила мне приговор: вы уезжаете, дорогая мисс Мелфорд, вас увозят неведомо куда! Что делать мне? Где искать утешения? Я сам не знаю, что говорю: всю ночь напролет метался я в пучине сомнений и страхов, неизвестности и отчаяния, будучи не в силах собраться с мыслями, а тем паче составить какой-нибудь последовательный план поведения. Предо мною вставало даже искушение пожелать, чтобы я никогда вас не встречал или чтобы вы были менее любезны и менее сострадательны к бедному Уилсону. Однако же подобное желание было бы низкой неблагодарностью, если подумать, сколь многим я обязан вашей доброте и какую несказанную радость давали мне ваши снисхождение и одобрение.

Боже милостивый! Даже упоминание вашего имени никогда не мог я слышать без волнения! Малейшая надежда лицезреть вас наполняла мою душу какою-то сладостной тревогой! С приближением этого часа сердце мое билось все сильней и сильней и каждый нерв трепетал от сладостного ожидания. Но когда я уже находился в вашем присутствии, когда я внимал вашему голосу, когда созерцал вашу улыбку, видел ваши прекрасные глаза, благосклонно обращенные на меня, мою грудь наполнял столь бурный восторг, что я терял дар речи и безумная радость овладевала мною… Поощренный вашей кротостью и любезностью, я осмелился описать чувства, охватившие мое сердце… Даже тогда вы не ставили препон моей самонадеянности, вы снизошли к моим страданиям и дали мне разрешение питать надежду, вы составили благоприятное – быть может, слишком благоприятное! – мнение о моей особе… Истинно одно: я не играю любовью, я говорю языком своего собственного сердца, и к тому побуждают меня лишь искренние чувства. Однако некая тайна сокрыта в моем сердце… Я еще не открыл ее… Я льщу себя надеждой… Но нет! Я не могу, не смею продолжать…

Дорогая мисс Лидди! Во имя неба придумайте, если сие возможно, какой-либо способ поговорить с вами прежде, чем вы покинете Глостер, иначе я не знаю, что постигнет… Но вот я начинаю безумствовать снова… Я постараюсь перенести это испытание со всею твердостью… Покуда есть у меня силы полагаться на вашу искренность и нежность, я, право же, не имею никаких оснований отчаиваться, однако же пребываю в странном смятении. Солнце как будто отказывается озарять меня своим светом… Облако нависло надо мною, и тяжкое бремя гнетет мою душу.

До той поры, пока вы отсюда не уехали, я буду неустанно бродить вокруг вашего пансиона; говорят, что душа, разлученная с телом, медлит у могилы, где покоятся смертные останки ее спутника. Знаю – если только это в вашей власти, вы почерпнете силы из человеколюбия вашего… сострадания… смею ли добавить – нежной привязанности… дабы утолить муку, терзающую сердце вашего несчастного

Уилсона.

Глостер, 31 марта

Сэру Уоткину Филипсу, Оксфорд, колледж Иисуса

Дорогой Филипс!

Воздаю Манселу должное за то, что он плетет небылицы, будто я поссорился с каким-то балаганным шутом в Глостере. Но я слишком ценю даже намек на остроумие, чтобы повздорить из-за глупой шутки, и потому надеюсь, что мы останемся с Мансел ом добрыми приятелями! Но я никак не могу одобрить, что он утопил моего бедного пса Понто с целью превратить многословие Овидия в шутливую эпитафию с игрой слов – deerant quoque littora Ponto[4]. Ибо Мансел у никак нельзя простить, что он бросил Понто с целью избавить его от блох в Изис, когда река была полноводна и бурлива. Но я предоставляю беднягу Понто его судьбе и надеюсь, что провидение уготовит Мансел у смерть более сухую[5].

Здесь, на Горячих Водах, нет никого, с кем можно завести знакомство, и потому я веду здесь образ жизни сельский. Стало быть, у меня много досуга, благодаря чему я могу лучше наблюдать странности в нраве моего дяди, который, мне кажется, возбудил ваше любопытство. Надо сказать, что поначалу наши характеры походили на масло и уксус, которые не смешиваются друг с другом, но теперь, когда их взболтнули, они начали смешиваться. Я склонен был считать его неисправимым циником и полагал, что только крайняя необходимость может заставить его жить в обществе с другими людьми. Но теперь я другого мнения; мне кажется, что его брюзгливость отчасти вызвана телесной болью, а отчасти врожденной чувствительностью души, ибо, полагаю я, душа, как и тело, бывает наделена в некоторых случаях чрезмерной чувствительностью.

На днях меня очень позабавил разговор, который он вел в павильоне минеральных вод с известным доктором Л., пришедшим дать указания больным.

Дядюшка пожаловался на зловоние за окнами павильона, шедшее от ила и грязи, оставляемых рекой при отливе. Он сказал, что эти испарения – зараза и они пагубны для слабых легких многочисленных больных чахоткой, которые приходят пить воду.

Доктор подслушал это, подошел к нему и заявил, что он ошибается. Люди, сказал он, так заражены пошлыми предрассудками, что философия бессильна их вразумить. Затем трижды хмыкнул и пустился в ученые объяснения природы зловония.

Он сказал, что зловоние или вонь есть ощущение обонятельных нервов и может возникать по совершенно другим основаниям, что stinkcn по-голландски означает «испускать самый приятный запах», а также «сильнейшую вонь», как это явствует из перевода Ван Влудела прекрасной оды Горация «Quis imilta gracilis"[6] и т. д. (в которой слова liquidis porfusus odoribus[7] он переводит van civet et moshata gestinken[8]). Затем доктор заявил, что люди toto caelo[9] придерживаются различных мнений о запахах, подобно тому как имеют различные мнения о красоте, что французам нравится запах гниющего мяса, равно как готтентотам в Африке и диким обитателям Гренландии, и что негры на берегу Сенегала не притронутся к рыбе, покуда она не начнет гнить; эти народы отдают предпочтение тому, что обычно называют зловонием, ибо они не избалованы роскошью и не подвержены причудам и капризам. По его мнению, аромат навоза, который принято считать зловонным, весьма приятен для органов обоняния, так как

---

[4] *…deerant quoque littora Ponto.* – «У Черного моря не было берегов» – стих Овидия из его «Понтийских посланий». Игра слов, о которой упоминает Дж. Мелфорд, заключается в совпадении прозвища утонувшей его собаки Понто с названием Черного моря (Pontus). Таким образом, стих Овидия может быть переведен: «У Понто не было прибежища».

[5] Игра слов: dry – сухой и суровый.

[6] Этот милый… (кн. 1, 5) *(лат.)*.

[7] Благовонием облит нежным… *(лат.)*.

[8] Благоухающий мускусом *(голл.)*.

[9] Во всей вселенной *(лат.)*.

каждый человек, которому противен запах чужих экскрементов, с особым удовольствием вдыхает аромат своих собственных, что могут засвидетельствовать все присутствующие леди и джентльмены.

Жители Мадрида и Эдинбурга, сказал он, получают особое удовлетворение, вдыхая собственные испарения, которые всегда пропитаны запахом экскрементов, и высокоученый доктор Б. в своем трактате «О четырех пищеварениях» объясняет, каким образом летучие испарения из кишок возбуждают деятельность животного организма[10].

Доктор утверждал, что покойный великий герцог Тосканский, из рода Медичи, который изощрял свою чувственность с рассудительностью философа, столь был восхищен этим ароматом, что приказал извлечь эссенцию из нечистот и пользовался ею как усладительными духами. А что до него, доктора, то он, когда приходит в дурное расположение духа или устает от работы, тотчас же испытывает приятное облегчение, если наклоняется над стульчаком с его содержимым, что отнюдь не должно никого удивлять, так как содержание стульчака изобилует теми же летучими солями, которые столь охотно вдыхают даже самые слабые больные после того, как химики извлекут и возгонят эти соли.

Присутствующие заткнули носы, но доктор, не обратив ни малейшего внимания на этот знак, продолжал разглагольствовать о том, что многие зловонные вещества не только приятны, но и целебны, например ассафетида и другие медицинские смолы, коренья, зелень, а превыше всего целительны жженые перья, ямы для дубленья кож, свечной нагар и проч. Короче говоря, он привел вполне достаточно ученых доводов, чтобы у его слушателей ум зашел за разум, и от зловония перешел к грязи, которая, по его словам, также является ошибочным понятием, поскольку тот предмет, каковой так называют, есть только некое изменение вещества, состоящего из тех же самых частей, которые входят в состав любого вещества. В самом грязном веществе, которое мы найдем в природе, философ усмотрит не что иное, как землю, воду, соль и воздух, из коих оно состоит. И что до него, доктора, то ему все равно, выпить ли грязной болотной воды, если он будет уверен, что в ней нет ничего ядовитого, или стакан воды из Горячего источника. Обратившись к моему дяде, он сказал:

– Сэр, по своему сложению вы склонны к водянке, и, надо думать, скоро у вас будет брюшная водянка. Если я буду присутствовать, когда вам сделают прокол, я докажу вам то, о чем говорю: без всяких колебаний я выпью воду, которая потечет из вашего живота.

При этих словах леди скорчили гримасы, а дядя побледнел и сказал, что он не хочет такого доказательства его философии.

– Но мне хотелось бы знать, – продолжал он, – почему вы полагаете, что у меня склонность к водянке?

– Прошу прощенья, сэр, – ответил доктор, – но у вас распухли лодыжки и, по-видимому, у вас facies leucophlegmatica[11]. Может быть, болезнь ваша oedematus, то есть подагрическая, а возможно – lues venerea[12]. Если у вас есть основания тешить себя мыслью, что вы больны именно сей последней болезнью, я берусь вас излечить тремя пилюлями, хотя бы недуг ваш и был очень застарелым. Это мое секретное средство, сэр; я много труда положил на то, чтобы их приготовить. Недавно, сэр, я излечил в Бристоле женщину, обыкновенную проститутку, у которой можно было наблюдать самые худые симптомы – язвы, сыпь и чесотку по всему телу.

---

[10] *…возбуждают деятельность животного организма.* – В письмах, посвященных описанию известных в Англии курортов с минеральными источниками, Смоллетт выступает в роли медицинского эксперта по вопросу о действии минеральных вод. Для такой роли он считал себя вполне подготовленным, ибо за восемнадцать лет до написания «Хамфри Клинкера» сочинил «Очерк об употреблении минеральных вод». Но этот очерк не принес ему степени доктора медицины, на что он рассчитывал.

[11] Подкожная водянка – болезнь *(лат.)*.

[12] Сифилис *(лат.)*.

Когда она приняла вторую пилюлю, сэр, кожа ее сделалась гладкой, как у меня на руке! А после третьей женщина стала здоровой и свежей, как новорожденный младенец.

– Сэр! – брюзгливо воскликнул дядюшка. – Я никак не могу тешить себя надеждой, что ваше секретное средство годится для моей болезни. Но больная, о которой вы говорите, едва ли могла стать такой здоровой, как вы воображаете.

– Я не мог ошибиться, – возразил философ, – так как трижды имел общение с ней. Я всегда проверяю таким способом свое лечение.

При этих словах леди удалились в угол комнаты, и кое-кто из них начал отплевываться. Что до моего дядюшки, то хотя он сперва разъярился, когда доктор сказал о его склонности к водянке, но тут, услышав это забавное признание, невольно улыбнулся… А для того, чтобы наказать этого чудака, он заявил, что у того на носу бородавка, которая вызывает подозрения.

– Я не берусь утверждать, что являюсь судьей в такого рода делах, – сказал он, – но мне как-то приходилось слышать, будто бородавки появляются вследствие такой болезни, а бородавка у вас на носу оседлала самую переносицу, которой, надеюсь, не грозит опасность провалиться.

Казалось, это замечание весьма смутило доктора Л., и он стал уверять, будто это только кожный нарост и кость под ним совершенно здорова; в подтверждение сего он предложил дядюшке потрогать его нос, чтобы тот мог убедиться на ощупь. Дядюшка заметил, что неделикатно брать джентльмена за нос и что он отказывается от этого предложения, после чего доктор повернулся ко мне и попросил меня оказать ему такую милость.

Я выполнил его просьбу и так грубо обошелся с его носом, что он чихнул и слезы брызнули у него из глаз, к великому удовольствию всех присутствующих, а в особенности дядюшки, который захохотал впервые с тех пор, что я нахожусь вместе с ним, и сказал, что это местечко у доктора очень чувствительно.

– Сэр! – воскликнул доктор. – Натурально оно должно быть чувствительным! Но я сегодня же вечером сведу бородавку, дабы рассеять все сомнения.

С этими словами он весьма торжественно отвесил поклон всем окружающим и ушел к себе домой, где для удаления бородавки применил какое-то едкое средство, которое вызвало сильнейшее воспаление и огромную опухоль. И потому, когда он появился в следующий раз, его лицо было украшено ужасным хоботом, и то горестное волнение, с каким он рассказывал о своем несчастье, было чрезвычайно забавно.

Я был очень рад воочию увидеть чудака, который так потешал нас с вами, когда мы находили его в книге; но меня удивляет, что черты его портрета скорее были смягчены, чем преувеличены.

Мне нужно вам сказать еще кое-что, но письмо грозит разрастись до бесконечности, то теперь я дам вам передышку, а напишу со следующей почтой. Я хотел бы, чтобы вы той же монетой ответили на этот двойной удар вашему

Дж. Мелфорду.

Горячие Воды, 18 апреля

Сэру Уоткину Филипсу, Оксфорд, колледж Иисуса

Любезный баронет!

Сажусь за стол, чтобы привести в исполнение угрозу, о которой упоминал в конце предыдущего письма. Дело в том, что мне не дает покоя одна тайна, и я давно хочу от нее отделаться. В ней замешан мой опекун, который главным образом привлекает наше внимание.

На днях, мне показалось, я обнаружил в нем слабость, отнюдь не подобающую его возрасту и нраву. Есть здесь скромная, весьма приятная на вид женщина; она приходит к источнику с жалким, истощенным ребенком, который тяжело болен чахоткой. Несколько раз я перехватывал пристальные взгляды дядюшки, которые он бросал на эту особу, и в этих взглядах было что-то подозрительное, но каждый раз он смущенно их отводил, когда подмечал, что за ним следят. Тогда я решил понаблюдать за ним внимательно и увидел, как он с ней беседует в укромном уголке аллеи. Однажды, спускаясь к источнику, я встретил ее поднимающейся на холм по дороге в Клифтон и тотчас же заподозрил, что она идет к нам домой в заранее назначенный ей час, ибо было около часа дня, а в это время сестра и я обычно находимся у источника.

Подстрекаемый любопытством, я повернул назад и окольным путем вернулся незамеченный к себе в комнату, расположенную рядом с комнатами дядюшки. И в самом деле, женщину ввели в дом, но не к нему в спальню.

Он принял ее в гостиной, и я должен был перенести свой наблюдательный пост в другую комнату; а там в перегородке была щелочка, через которую я мог видеть все, что происходит. Когда женщина вошла, дядюшка привстал с кресла, хотя он и прихрамывает, и, пододвигая ей стул, предложил сесть, а затем осведомился, не желает ли она выпить чашку шоколада, от которой женщина, рассыпавшись в благодарностях, отказалась. После короткой паузы он ворчливым тоном обратился к ней, немало меня удивив, со следующими словами:

– Ваше несчастье, сударыня, тронуло меня, и, если вот эта безделица вам поможет, возьмите без всяких церемоний.

С этими словами он сунул ей в руку бумажку, которую она с трепетом развернула и, восторженно воскликнув: «Двадцать фунтов! О сэр!» – упала на диван и лишилась чувств.

Он весьма перепугался, но, опасаясь, мне кажется, позвать на помощь, ибо состояние женщины могло вызвать нежелательные подозрения, забегал в панике по комнате, делая ужасающие гримасы, пока наконец не догадался брызнуть водой ей в лицо, после чего она пришла в себя, но тут она дала волю своим чувствам. Она разразилась потоком слез и закричала во весь голос:

– Я не знаю, кто вы… Но поистине… достойный сэр… великодушный сэр!.. Мое горе и страдания моего бедного, умирающего ребенка… О! Если молитвы вдовы, если слезы благодарности сиротки могут снискать для вас… Милосердное провидение! Да снизойдет навеки его благословение на вас! Да…

Тут дядюшка прервал ее, все более смущаясь:

– Успокойтесь, сударыня, ради бога успокойтесь! Подумайте… В доме есть люди… Вот черт… Неужто вы не можете…

Она пыталась броситься перед ним на колени, а он, хватая ее за руки и стараясь усадить на диван, продолжал:

– Прошу вас… Успокойтесь… Помолчите… – В этот миг в комнату ворвалась… Кто бы вы думали? Наша тетушка Табби! Дьявольски своенравная, смешная старая дева! Она всегда норовит вмешиваться в чужие дела, и, когда увидела, что эта женщина вошла в дом, она последовала за ней до двери, где и осталась подслушивать, но ничего не разобрала, кроме последнего

восклицания дядюшки, и ворвалась в гостиную в страшном бешенстве, от которого кончик ее носа окрасился в пурпурный цвет.

– Тьфу, Матт! – вскричала она. – Что здесь происходит? Вы позорите себя и наносите бесчестье вашему семейству!

Она выхватила из рук незнакомки банковый билет и продолжала:

– Как? Двадцать фунтов! Соблазняете при свидетелях… А вы, моя милая, убирайтесь восвояси… Братец, братец, право, не знаю, чему больше удивляться – вашей похотливости или расточительности!

– Боже ты мой! – воскликнула бедная женщина. – Неужели добрый джентльмен может пострадать за поступок, который делает честь роду человеческому!

Негодование дядюшки тут прорвалось. Он побледнел, заскрежетал зубами, – глаза его засверкали.

– Сестра! – заорал он громовым голосом. – Ваша дерзость превосходит все границы!

С этими словами он схватил ее за руку и, открыв дверь, вытолкнул в комнату, где я стоял, растроганный до слез этой сценой. А тетушка, узрев эти знаки моего волнения, сказала:

– Меня не удивляет, что вы огорчены гнусными уловками своего близкого родственника… В его летах да с его хворостями… Ну и дела творятся! Нечего сказать, хороший пример подает опекун на благо своим питомцам… Какое неприличие! Какой ужас! Какой разврат!

Мне казалось, что во имя справедливости нужно было направить ее на верный путь, и посему я объяснил ей загадочную сцену, но это нисколько ее не образумило.

– Как! – воскликнула она. – Вы хотите меня убедить, чтобы я своим глазам не верила! Разве я не слышала, как он шептал ей, чтобы она молчала! Разве я не видела, как она плачет! Разве я не видела, как он пытался повалить ее на диван!

О, какой разврат! Какой ужас! Какая гнусность! Не говорите мне, дитя мое, о милосердии! Разве кто-нибудь отдаст двадцать фунтов из милосердия? Вы еще юноша и ровно ничего не знаете о жизни. Да к тому же своя рубашка ближе к телу. За двадцать фунтов я могла бы купить себе парчовое платье, отделку и мало ли еще что!

Короче говоря, я покинул комнату, почувствовав презрение к тетке, а мое уважение к ее брату возросло соответственно. Потом я узнал, что женщина, которой мой дядюшка столь великодушно помог, – вдова прапорщика и ничего не имеет, кроме пятнадцати фунтов пенсии в год. В галерее минеральных вод о ней идет хорошая молва. Проживает она где-то на чердаке и день и ночь сидит за шитьем, чтобы прокормить свою дочку, которая умирает от чахотки. К стыду моему, должен сознаться, что я почувствовал сильное желание последовать примеру моего дяди и облегчить участь этой бедной вдовы; но я – говорю нам, как другу, – боюсь, что меня уличат в слабости, которая может навлечь насмешки общества на вашего, дорогой Филипс,

Дж. Мелфорда.

Горячие Воды, 20 апреля

Пишите мне прямо в Бат и напомните обо мне всем нашим товарищам по колледжу Иисуса.

Доктору Льюису

Я понимаю ваш намек. В медицине, так же как в религии, есть тайны, которые мы, нечестивцы, не имеем права исследовать. Человеку непозволительно дерзать и пускаться в рассуждения, если только он не изучил категории и не умеет спорить по законам логики. (Говорю вам, как другу.) Пусть это будет между нами, но, по моему мнению, каждый человек, обладающий некоторыми способностями, должен в моем возрасте быть лекарем и законником, поскольку это касается его здоровья и имущества. Что до меня, то в течение последних четырнадцати лет во мне заключена целая больница, и я исследую свою хворь с самым пристальным вниманием и, стало быть, надо полагать, знаю кое-что, хотя и не изучал исправно физиологии и пр. Короче говоря, я пришел к тому убеждению (не сочтите, доктор, за обиду), что все ваши сведения в медицине приводят лишь к одному: чем больше вы изучаете, тем меньше знаете.

Я прочел все, что написано о Горячих Водах, и извлек из всего лишь то, что вода содержит только немного соли и известковой земли, примешанных в такой незначительной пропорции, что они не могут оказать почти никакого влияния на животный организм. При таком положении мне кажется, что человек заслуживает украшения в виде колпака с бубенчиками, если ради ничтожной пользы, каковую приносят эти воды, теряет драгоценное время, которое мог бы употребить на лечение куда более верными лекарствами, и обрекает себя на жизнь в грязи и вони, подвергаясь холодным ветрам и непрерывным дождям, вследствие чего сей город поистине невыносим для меня. Если даже эти воды благодаря слабой вязкости могут принести хоть какую-нибудь пользу при сахарной болезни, поносе, ночной испарине, когда выделения усиливаются, могут ли они в тех же дозах не повредить, когда мы имеем дело с задержкой выделений при астме, цинге, подагре и водянке?

Мы коснулись водянки; здесь есть нелепый чудак, один из ваших собратьев, который разглагольствует в галерее так, точно его наняли читать лекции по любому вопросу. Я не могу его раскусить: то он делает замечания проницательные, то болтает, как последний дурак. Прочитал он уйму, но без всякой системы и без разбора и ничего не переварил. Он верит всему, что прочел, особенно всему чудесному, и его болтовня есть удивительное рагу из учености и нелепостей. На днях он мне сказал весьма самоуверенно, что у меня водянка; по его словам, у меня подкожная водянка, а это лучшее доказательство того, что отсутствие у него опыта равно его самонадеянности, ибо, как вы знаете, моя болезнь не имеет ничего общего с водянкой. Было бы неплохо, если бы эти наглые, но слабоумные люди приберегли свои советы для тех, кто к ним обращается! Вот еще, водянка! Как будто мне не пятьдесят пять лет и я ничего не ведаю о своей хворости и не лечился так долго у вас, а также у других известных врачей, чтобы меня вразумлял такой, с позволения сказать… Без сомнения, этот человек спятил с ума, и все, что он говорит, не имеет никакого значения. Вчера меня посетил Хиггинс; он прибыл сюда напуганный вашими угрозами и преподнес мне пару зайцев, которых, как он сознался, подстрелил на моих полях, и я не мог сказать парню, что он поступил дурно и что я вправе привлечь его к суду за охоту на чужой земле. Прошу вас, проберите хорошенько этого негодяя, а то он будет досаждать своими подношениями, которые обходятся мне слишком дорого. Если бы я еще мог удивляться поступкам Фицовена, меня изумила бы его дерзкая просьба, чтобы вы склонили меня голосовать за него на ближайших выборах в графстве. За него, который так гнусно соперничал со мной на прошлых выборах! Учтиво скажите ему, что я прошу меня извинить.

Пишите мне в Бат, куда я переезжаю завтра не столько ради себя, сколько ради моей племянницы Лидди, к которой, по-видимому, вернулась ее хворь. Вчера у бедняжки был припадок, когда я торговался из-за пары очков с евреем-разносчиком. Боюсь, что у бедняжки в сердечке что-то еще гнездится; перемена места ей поможет. Напишите, что вы думаете о нелепом и дурацком суждении этого полоумного доктора касательно моей болезни. Вот еще, водянка!

Да у меня живот подтянут, как у борзой, к тому же, когда я измеряю бечевкой лодыжку, видно, что опухоль опадает с каждым днем. Упаси бог от таких докторов!

В Бате я еще не снял помещения, потому что там мы сможем устроиться тотчас по приезде, и я сам выберу квартиру. Нет нужды говорить, что ваши указания касательно пользования водами и купанья будут приятны вашему, дорогой Льюис,

М. Брамблу.

P. S. Забыл вам сказать, что на моей правой лодыжке вмятина, а это, как я понимаю, указывает на подагру, а не на подкожную водянку.

Горячие Воды, 20 апреля

Мисс Летиции Уиллис, в Глостер

Моя дорогая Летти!

Я не имела намерения снова докучать вам, покуда мы не поселимся в Бате, но, когда представился случай послать письмо с Джарвисом, я не могла упустить его, так как должна сообщить вам нечто из ряда вон выходящее. О любезная моя приятельница! Что сказать мне вам? В течение последних нескольких дней у источников появлялся похожий на еврея торговец с ящиком очков, и он все время так внимательно смотрел на меня, что я почувствовала сильное смущение. Наконец он пришел к нашему дому в Клифтоне и замешкался у двери, точно хотел с кем-нибудь поговорить. Меня охватил какой-то странный трепет, и я попросила Уин выйти к нему, но у бедной девушки слабые нервы, и она побоялась его бороды. Мой дядюшка, нуждаясь в новых очках, позвал его наверх и начал примерять очки, как вдруг этот человек, приблизившись ко мне, промолвил шепотом… О небо! Как думаете вы, что он сказал?.. «Я – Уилсон!» В то же мгновение я узнала черты его лица; да, это был Уилсон, но столь изменивший свое лицо, что невозможно было бы признать его, если бы сердце мое не споспешествовало этому открытию.

Столь велико было мое изумление и испуг, что я потеряла сознание, но вскоре опамятовалась и почувствовала, что он поддерживает меня на стуле, а в это время дядюшка с очками на носу метался по комнате, призывая на помощь. Не было никакой возможности заговорить с ним, но взгляды наши были достаточно красноречивы.

Ему заплатили за очки, и он ушел. Тогда я сказала Уин, кто он такой, и послала ее вслед за ним к павильону минеральных вод, где она заговорила с ним и умоляла от моего имени удалиться из этих мест, дабы не пробудить подозрений дядюшки и брата, если не хочет он увидеть меня умирающей от ужаса и огорчения. Бедный юноша заявил со слезами на глазах, что имеет сообщить нечто из ряда вон выходящее, и спросил, не согласится ли она передать мне письмо, но на это она, по моему приказанию, ответила решительным отказом. Убедившись в ее упорстве, он попросил ее передать мне, что отныне он уже не актер, но джентльмен, и как таковой очень скоро признается в своей страстной любви ко мне, не страшась ни порицания, ни упреков… Да, он даже открыл свое имя и фамилию, однако, к великому моему горю, простодушная девушка их позабыла в смятении, застигнутая в разговоре с ним моим братом, который остановил ее на дороге и пожелал узнать, какие у нее дела с этим мошенником-евреем. Она отвечала, будто торговалась с ним, желая купить крючок для корсета, но столь затруднительно было ее положение, что она позабыла самую важную часть его сообщения, а придя домой, разразилась истерическим смехом. Происшествие это случилось назад тому три дня, в течение коих он не появлялся, а потому я полагаю, что он уехал.

Милая Летти! Вы видите, с каким удовольствием фортуна преследует вашу бедную подругу. Если вы повстречаете его в Глостере или уже повстречались с ним и знаете настоящее его имя и фамилию, прошу вас, не оставляйте меня долее в неизвестности; если нет у него теперь никакой необходимости скрываться и если он питает ко мне истинную любовь, я могла бы надеяться, что в скором времени он представится моим родственникам. Право же, если для этого союза нет никаких препятствий, они не будут столь жестоки, чтобы ставить препоны моим чувствам. О, какое счастье выпало бы тогда мне на долю! Я не могу не услаждать себя такими мыслями и тешить свое воображение столь приятными мечтаниями, которые в конце концов, может быть, никогда не сбудутся. Но зачем мне отчаиваться? Кто знает, что случится?

Завтра мы уезжаем в Бат, и я почти сожалею об этом, так как начинаю любить уединение, а место это прелестно и располагает к мечтаниям. Воздух такой чистый, поросшая вереском долина так красива, дрок в полном цвету, поля усеяны маргаритками, примулами и белой буквицей, на деревьях распускаются почки, а живые изгороди уже надели свой зеленый убор;

склоны гор покрыты стадами овец, и шаловливые ягнята тихо блеют, играют, резвятся и перебегают с места на место; в рощах звенит пенье дроздов и коноплянок, и всю ночь напролет нежный соловей заливается своею прелестной песней. Для развлечения мы спускаемся вниз, к «нимфе Бристольских Вод», где перед обедом собирается компания, такая милая, добродушная, непринужденная, и здесь мы пьем воду, такую прозрачную, такую чистую, с таким приятным слабым привкусом; солнце здесь такое живительное, погода так хороша, прогулка так приятна, виды столь разнообразны, а корабли и лодки, плывущие вверх и вниз по течению реки близ самых окон, являют столь чарующую смену картин, что для их описания требуется перо гораздо более искусное, чем мое. Чтобы место это стало истинным раем для меня, мне не хватает только любезной приятельницы и верной подруги, такой, какою была и, надеюсь, остается мисс Уиллис для навеки ей преданной

Лидии Мелфорд.

Горячие Воды, 21 апреля

Направляйте мне по-прежнему ваши письма на имя Уин, а Джарвис позаботится о том, чтобы благополучно их доставить. Прощайте.

Сэру Уоткину Филипсу, Оксфорд, колледж Иисуса

Дорогой Филипс!

В самом деле, у вас есть основания удивляться, будто свою связь с мисс Блекерби я утаил от вас, от которого никогда не скрывал подобного рода отношений. Но, уверяю вас, я никогда не помышлял о таких отношениях, а теперь в последнем письме вы сообщаете мне, что они якобы зашли слишком далеко и скрывать их долее невозможно.

К счастью, однако, ее доброе имя не пострадает, но ей даже будет выгодно разоблачение, которое покажет, по крайней мере, что она отнюдь не так испорчена, как воображают многие. Что до меня, то заявляю вам откровенно, по-дружески, что у меня не только не было с упомянутой особой любовной связи, но я даже в глаза ее не видел; и если она в самом деле находится в положении, какое вы описали, то, подозреваю, виновником является Мансел! Его посещения сего храма не были тайной, и это пристрастие, да вдобавок и некоторые услуги, которые, как вам известно, он мне оказал после моего ухода из alma mater[13], дают мне основание думать, что он за моей спиной возложил на меня ответственность за этот скандал.

Тем не менее, если мое имя пригодится ему, он может им располагать, и если женщина брошена и находится в таком положении, что может приписать мне его ребенка, прошу вас, уладьте дело с церковным приходом; мне не жалко уплатить денежную пеню, возьмите только на себя труд сообщить мне, не откладывая, какова требуемая сумма.

Поступаю я так по совету дядюшки, который сказал, что мне весьма повезет, если в дальнейшем мне удастся избежать подобных передряг. Вчера вечером старый джентльмен сказал мне очень добродушно, что в возрасте от двадцати до сорока лет он принужден был содержать девять незаконнорожденных, отцом коих признали его под присягой женщин, которых он и в глаза не видел.

Натура мистера Брамбла, который столь интересует вас, с каждым днем все больше раскрывается передо мной и оказывает на меня благотворное влияние. Странности его для меня неиссякаемый источник развлечений; насколько я могу судить, он отличается тонким умом; его наблюдения не только верны, но дельны и необычны. Он притворяется мизантропом, чтобы скрыть чувствительность сердца, и мягкосердечие его граничит даже со слабостью. Из-за деликатности чувств или из-за душевной мягкости он робок и боязлив, а больше всего он боится бесчестья, и хотя всегда избегает кого-нибудь оскорбить, но взрывается при малейшем намеке на обиду или неучтивость. Хотя он человек очень почтенный, но я не могу иногда не забавляться его пустячными огорчениями, которые служат для него предлогом метать стрелы сатиры, столь же меткие и острые, как стрелы троянцев. Наша тетка Табита для него все равно что точильный камень, она во всех отношениях полная противоположность своему брату; но ее портрет я нарисую в другой раз.

Три дня назад мы приехали сюда с Горячих Вод и заняли второй этаж в доме на Южной Променаде; квартиру эту дядюшка выбрал потому, что она расположена неподалеку от источника и сюда не доносится стук карет.

Только-только он вошел в квартиру, как потребовал ночной колпак, белье из фланели, объявив, что у него приступ подагры в правой ноге, хотя, мне кажется, это было его воображение. Вскоре он пожалел о своей преждевременной жалобе, ибо тетушка Табита, пока доставали из сундука белье, подняла такой шум и переполох, что казалось, будто дом загорелся.

Дядюшка все это время сидел и бесился от нетерпения, грыз ногти, возводил к небесам глаза и испускал какие-то восклицания; потом он разразился судорожным смехом, после чего

[13] Старинное студенческое название университета – «мать-кормилица» *(лат.)*.

стал напевать какую-то песенку, а когда ураган пронесся, он воскликнул: «Возблагодарим господа за все!»

Но это было только начало его невзгод.

Чаудер, любимый пес мисс Табиты, ухаживая в кухне за особой женского пола той же породы, подрался с пятью соперниками, которые напали на него все сразу и с отчаянным лаем погнали вверх по лестнице вплоть до дверей столовой; здесь на его защиту выступила тетушка со своей служанкой, и обе они приняли участие в концерте, который поистине стал дьявольским.

Когда эта битва благодаря вмешательству нашего лакея и здешней стряпухи была не без труда прекращена и сквайр уже раскрыл рот, чтобы попенять Табби, внизу в коридоре вдруг раздался такой грохот бродячего оркестра, что эта музыка (если только можно назвать это музыкой) заставила его вскочить и вытаращить в негодовании глаза. Впрочем, у него хватило самообладания послать слугу с несколькими монетами, чтобы таким путем заставить непрошеных шумных гостей замолчать, хотя Табита и протестовала, настаивая на том, что за свои деньги он должен получить музыку сполна. Только-только дядюшка уладил сей трудный вопрос, как прямо над головой его, в третьем этаже, послышался такой грохот, что задрожал весь дом. Эта новая тревога, признаюсь, заставила и меня вмешаться, и, прежде чем дядюшка успел что-нибудь сказать, я взбежал по лестнице разузнать, в чем дело. Дверь в помещение была открыта, я вошел туда без всяких церемоний и увидел нечто такое, что и теперь не могу вспомнить без смеха. Это был учитель танцев, он обучал своего ученика. Учитель был слеп на один глаз, прихрамывал на одну ногу и гонял ученика по всей комнате, а сей ученик был тощий, уродливый, согбенный старик лет шестидесяти, в шерстяном ночном колпаке на голове; он даже снял кафтан, чтобы двигаться проворней.

Увидев перед собой незнакомца, старик немедленно опоясал себя длинной железной шпагой и, решительно подступив ко мне, воскликнул с явным ирландским произношением:

– Клянусь, мистер как вас там, очень рад вас видеть, если вы явились сюда как друг… Хочу думать, что вы в самом деле друг, хотя, мой дорогой, понятия не имею, где я вас видел раньше, но если вы без всяких церемоний, как друг…

Тут я заявил ему, что мне было не до церемоний и я пришел ему сообщить, чтобы он не так шумел, ибо не имеет права своим нелепым поведением нарушать покой больного джентльмена, проживающего внизу.

– Ах, вот как, молодой джентльмен! – воскликнул сей чудак. – В другое время я мог бы учтиво попросить вас, сэр, объяснить значение этих грубых слов – «нелепое поведение», но всему свое время…

Потом он устремился по лестнице вниз, подскочил к нашему лакею, стоявшему у двери столовой, и потребовал, чтобы тот его впустил к нам для засвидетельствования почтения приезжему джентльмену. Лакей не мог отказать столь грозному незнакомцу в его просьбе и доложил о нем, а тот обратился к моему дядюшке с такими словами:

– Честь имею представиться, сэр! Мое поведение отнюдь не было «нелепым», как выразился ваш сын, но я знаю правила учтивого обхождения… Перед вами, сэр, Улик Маккалигут, бедный ирландский баронет из графства Голуэй. Я ваш сосед и пришел засвидетельствовать свое почтение – добро пожаловать на Южную Променаду! Готов к вашим услугам и к услугам вашей милой леди, и прелестной дочки, и молодого джентльмена, вашего сына, хотя он и считает мое поведение «нелепым»! Да будет вам известно, что завтра я имею честь открыть по соседству бал вместе с леди Макманус. Но я, видите ли, немного уже отвык от танцев и решил поупражняться. Если бы я знал, что внизу проживает больная особа! Да я бы скорей допустил, чтобы у меня на голове станцевали матросский танец, чем стал бы упражняться над вашей головой в грациозном менуэте!

Дядюшка, немало пораженный его вторжением, отнесся, однако, весьма благосклонно к его учтивости, предложил ему сесть, поблагодарил за посещение и укорил меня за мое редкое обхождение с джентльменом, столь достойным по своим душевным качествам и положению. Получив такой выговор, я принес извинения сему баронету, а он тотчас же вскочил и обнял меня так крепко, что у меня дыханье сперло; при этом он уверил, что любит меня ничуть не меньше, чем самого себя. Затем он вдруг вспомнил, что на нем ночной колпак, и в полном смущении сорвал его с головы, расточая тысячи извинений присутствующим леди, и с непокрытой лысой головой устремился к выходу.

В это самое мгновенье колокола аббатства загудели так громко, что нам невозможно было расслышать друг друга; этот трезвон был устроен, как мы потом узнали, в честь мистера Буллока, известного скотовода из Тоттенхема, который только что приехал в Бат лечиться водами от несварения желудка. Мистер Брамбл даже не успел высказать свое мнение об этой приятной серенаде, потому что начался другой концерт, касавшийся его более близко. Дело в том, что два негра, принадлежавших некоему джентльмену-креолу, проживавшему в том же доме, расположились прямо у окна на лестнице, футах в десяти от нашей столовой, и начали упражняться в игре на охотничьем рожке; были они совсем неопытны и исторгали такие звуки, которых не могли бы выдержать и ослиные уши.

Можете себе представить, какое влияние произвело это на нервы раздражительного дядюшки; на желчном лице его отразилось крайнее изумление, и он немедленно послал слугу прекратить эти ужасные звуки и предложить музыкантам перейти куда-нибудь в другое место, ибо они не имеют права там стоять и нарушать покой жильцов всего дома. Эти черные музыканты даже не подумали внять призыву и удалиться, но встретили посланца весьма грубо, заявив, что он может обратиться к их господину, полковнику Ригворму, который ответит ему надлежащим образом, а вдобавок задаст хорошую взбучку. Вслед за этим они снова принялись за свое занятие и даже еще усилили шум, который перемежался с хохотом, так как они решили, что смогут безнаказанно досаждать тем, кто был выше их по положению.

Наш сквайр пришел в раж от этого нового оскорбления и тотчас послал слугу к полковнику Ригворму передать ему привет и просить его о том, чтобы он приказал своим неграм замолчать, так как производимый ими шум решительно невыносим.

В ответ на это полковник Ригворм заявил, что на его рожках можно играть и на общей лестнице, что его люди играют там для его развлечения, а те, кому это не нравится, могут поискать себе другое помещение. Как только мистер Брамбл услышал такой ответ, глаза его засверкали, он побледнел и заскрежетал зубами. После короткого раздумья он, не говоря ни слова, надел туфли, по-видимому не испытывая никакой подагрической боли в ногах. Засим, схватив трость, он открыл дверь и проследовал к тому месту, где расположились чернокожие трубачи. Там, без дальних околичностей, он принялся их обрабатывать и проделал это с такой силой и ловкостью, что в мгновение ока расшиб им не только охотничьи рожки, но и головы, так что они взвыли и пустились бежать вниз по лестнице в гостиную своего господина. А сквайр гнался за ними и кричал во весь голос так, чтобы его услышал полковник:

– Вон отсюда, негодяи! Бегите к своему хозяину и расскажите ему, что я сделал! А если он почитает себя оскорбленным, то ему известно, куда явиться и у кого требовать удовлетворения. И помните: это только вам задаток, если вы осмелитесь еще раз трубить в рога, покуда я тут живу!

С этими словами он вернулся к себе в ожидании вестей от креола, но полковник предпочел благоразумно уклониться от продолжения ссоры. Моя сестра Лидди была перепугана почти до обморока, а когда она пришла в себя, мисс Табита начала читать лекцию о терпении. Тут ее брат многозначительно усмехнулся и прервал ее:

– Дай-то бог, сестрица, чтобы мое терпение, а ваше благоразумие укрепились! Могу себе представить, какая нас еще ждет соната после такой увертюры, в которой дьявол, верховодив-

ший страшными звуками, дал нам такие вариации диссонансов! Носильщики топочут и громыхают тяжелыми ящиками, дворняги рычат, женщины бранятся, скрипки и гобои фальшивят и разрывают уши, наверху прыгает ирландский баронет, в коридоре изрыгают ужасные звуки охотничьи рожки (я уж не говорю о гармоническом грохоте с колокольни аббатства), и все эти звуки следуют один за другим без перерыва, точно части одного и того же концерта, а потому бедный инвалид без труда может вообразить, чего ему еще ждать в этом храме, посвященном отдыху и покою… Ну, вот я и решил завтра же переменить квартиру и попытаюсь сделать это, прежде чем сэр Улик откроет бал вместе с миледи Макманус, а это не предвещает мне ничего хорошего.

Такое заявление пришлось отнюдь не по вкусу мисс Табите, чьи уши были не так чувствительны, как уши ее брата. Она сказала, что весьма глупо покидать столь удобное помещение, в котором только что устроились. Она удивилась, что он такой враг музыки и веселья. Что до нее, то она слышит только шум, который производит он сам. Никак не возможно заниматься домоводством, не произнося ни звука. Он может сколько его душе угодно попрекать ее за ругань, но она ругается для его же пользы; хотя она трудится до кровавого пота, его все равно не ублаготворишь.

Я сильно подозреваю, что наша тетушка, достигшая того возраста, когда уже можно потерять всякую надежду найти мужа, возложила свои упования на сердце сэра Улика Маккалигута, а они оказались бы тщетными в случае нашего внезапного отъезда.

Брат, взглянув на нее искоса, сказал:

– Прошу простить меня, сестрица, но я был бы поистине дикарем, ежели бы не понимал, какое счастье иметь рядом с собой такую кроткую, приветливую, веселую и рассудительную подругу и домоправительницу. Но голова-то у меня слабая, а слух до невозможности острый, и, прежде чем заткнуть себе уши шерстью да хлопчатой бумагой, я попытаюсь найти другое помещение, где было бы больше покоя и поменьше музыки.

И он тут же послал слугу с этим поручением и на другой день нашел небольшой дом на Милшеметрит, каковой и нанял, уплатив за неделю вперед. Здесь, по крайней мере в самом доме, нам удобно и спокойно, поскольку, конечно, этому не мешает нрав Табби. Что до сквайра, то он жалуется на летучие боли в желудке и в голове, от которых он лечится минеральной водой и купаньем. Однако ему не настолько плохо, чтобы не посещать галереи минеральных вод, залы и кофейни, где он постоянно находит пищу для забавы и насмешек. Если мне удастся поживиться чем-нибудь из запаса его наблюдений либо моих собственных, я не премину сообщить вам все, чтобы вас потешить, хотя опасаюсь, что эти сообщения не вознаградят вас, дорогой Филипс, за труд читать сии скучные, нескладные письма вашего

Дж. Мелфорда.

Бат, 24 апреля

Доктору Льюису

Любезный доктор!

Ежели бы я не знал, что вы по роду своих занятий привыкли изо дня в день выслушивать жалобы, я посовестился бы беспокоить вас своими письмами, которые поистине можно назвать «Стенания Мэтью Брамбла». Однако я осмеливаюсь думать, что у меня есть право излить избыток моей хандры на вас, чьим назначением является лечение порождаемых ею хворостей; позвольте мне также добавить: немалым облегчением для меня с моими невзгодами является то обстоятельство, что у меня есть рассудительный друг, от коего я могу не таить своего брюзжания, тогда как, ежели бы я его скрывал, оно могло бы стать нестерпимо желчным.

Знайте же, меня решительно разочаровал Бат, который столь изменился, что я с трудом мог поверить, будто это то же самое место, которое я не раз посещал лет тридцать назад. Мне кажется, я слышу, как вы говорите: «Так-то оно так, в самом деле он изменился, но изменился к лучшему, и в этом не сомневались бы и вы, если бы сами не изменились к худшему». Пожалуй, это правильно. Неудобства, которых я не замечал в расцвете сил, кажутся несносными раздраженным нервам инвалида, застигнутого врасплох преждевременной старостью и ослабленного длительными страданиями.

Но, думаю я, вы не станете отрицать, что в этом месте, которое самим провидением и природой предназначено исцелять от болезней и волнений, поистине царит разврат и беспутство. Вместо тишины, покоя и удобств, столь необходимых всем страждущим недугами, больными нервами и неустойчивым расположением духа, здесь у нас – шум, гвалт, суета, утомительное, рабское соблюдение церемониала куда более чопорного, строгого и обременительного, чем этикет при дворе какого-нибудь германского электора[14]. Место это следовало бы назвать национальной здравницей, но можно подумать, что пускают сюда только умалишенных. И поистине вы можете меня считать таковым, если я продлю свое пребывание в Бате. Своими размышлениями об этом я поделюсь с вами в другом письме.

Мне не терпелось поглядеть на хваленые постройки, которыми славится верхняя часть города, и на днях я обозрел все новые здания. Площадь, хотя и неправильной формы, расположена прекрасно, она просторна, открыта со всех сторон, и над ней гуляет ветерок; по моему мнению, эта площадь, в особенности ее верхняя часть, самое здоровое и привлекательное место в Бате, но улицы, ведущие к ней, узки, кривы, грязны и опасны. С купальным заведением она сообщается через двор гостиницы, где вас, хворого человека, трепещущего в своем портшезе, несут между двумя рядами лошадей, которые лягаются под скребницами грумов и форейторов, а кроме того, вы рискуете попасть под колеса карет, беспрерывно въезжающих во двор или выезжающих оттуда. Полагаю, когда несколько носильщиков будет изувечено, а несколько человек погибнут от несчастного случая, городское управление возьмется за ум и позаботится о том, чтобы устроить более безопасный и удобный проезд.

Круглая площадь – хорошенькая безделушка; она разбита для услаждения взора и похожа на амфитеатр Веспасиана[15], вывернутый наизнанку. Ежели задать вопрос, величественна ли она, то надо признать, что множество маленьких дверей, принадлежащих отдельным домам, недостаточная высота зданий, несходных по архитектуре, вычурные украшения архитравов, неуместные и вместе с тем сделанные как будто детьми нижние дворики[16], окруженные решет-

---

[14] *Германский электор* – титул, присвоенный в феодальную эпоху некоторым главам германских государств, имеющим право избрания императора. В эпоху Смоллетта таких электоров насчитывалось семеро.

[15] *Амфитеатр Веспасиана* – Колизей, гигантский цирк в Риме, законченный постройкой в 80 г. н. э.

[16] *Нижние дворики.* – В Англии перед домом нередко бывал дворик ниже уровня улицы, откуда был доступ в подвальный этаж.

кой и врезающиеся в улицу, – все это очень портит внешний вид Круглой площади, а если оценивать ее с точки зрения удобства, то мы найдем еще больше недостатков. Форма каждого жилого дома, являющегося отрезком круга, должна нарушить симметрию комнат, которые суживаются к окнам, выходящим на улицу, но расширяются в глубину.

Ежели бы вместо двориков и железных решеток, весьма мало полезных, вокруг площади устроили бы проход с аркадами, как на Ковент-гарден[17], общий вид ее был бы куда более величественным; к тому же под этими аркадами можно было бы гулять, а бедные носильщики вместе со своими портшезами могли бы там хорониться от дождя, который здесь почти не прекращается. А в настоящее время портшезы с утра до вечера стоят прямо на улице и мокнут, пока не превратятся в мокрые кожаные коробки для-ради пользы подагриков и ревматиков, которых перетаскивают в них с места на место. Такое возмутительное зрелище мы видим в городе повсюду, и я убежден, что этот порядок приносит огромный вред слабым и хилым. Даже в закрытых портшезах, назначенных для больных, после стоянки на открытом воздухе байковая обивка становится от сырости влажной, как губка; и эти ящики, полные холодных испарений, великолепно препятствуют выделению пота у больных, разгоряченных купаньем, после которого все поры у них открыты.

Но вернемся к Круглой площади. Ее местоположение крайне неудобно, ибо она находится вдали от рынков, купальных заведений и мест публичных увеселений. Единственная дорога к ней по Гэй-стрит такая затруднительная, крутая и скользкая, что в сырую погоду становится весьма опасной как для тех, кто едет в каретах, так и для пешеходов. Когда же улица покрыта снегом, что было в течение двух недель этой самой зимой, я не могу себе представить, чтобы кто-нибудь мог подняться по ней или спуститься, не поломав костей. Мне рассказывали, что в ветреную погоду большинство домов на этом холме полны дыма; ветер, отраженный от другого холма, загоняет дым в дымоходы, почему, как я опасаюсь, воздух здесь должен быть более сырым и нездоровым, чем внизу, на Круглой площади. Ибо облака, образуемые постоянными испарениями с речек и бассейнов внизу, должны притягиваться и задерживаться холмом, поднимающимся тут же за Круглой площадью, а также непрерывно насыщать воздух туманом. Это можно легко доказать при помощи гигрометра[18] либо бумаги, пропитанной раствором виннокаменной соли и подвергнутой действию воздуха.

Тот же самый архитектор, какой составлял план Круглой площади, задумал также план площади в виде полумесяца. Когда она будет кончена, возможно, мы получим еще звездную площадь, а те, кто будет жить лет через тридцать, узрят, быть может, в архитектуре Бата все знаки зодиака! Сколь сие ни фантастично, все же оно обнаруживает в архитекторе изобретательность и знания, но строительная горячка овладела таким количеством искателей легкой наживы, что новые дома вырастают в каждом переулке и закоулке Бата; затеянные без всякого смысла, ненадежно построенные, они лепятся друг к другу, нарушая план и порядок в такой мере, что линии новых улиц и новых зданий переплетаются и пересекают друг друга под самыми различными углами. Похоже на то, будто улицы эти и площади разворочены землетрясением, после которого остались холмы и ямы, либо какой-нибудь дьявол готики набил ими свой мешок и вытряхнул их как попало. Легко себе представить, каким чудищем станет Бат через несколько лет, если он будет все более разрастаться.

Но некрасивый внешний вид и несоразмерность частей еще не самое худшее в новых зданиях; они построены так ненадежно, из такого рыхлого камня, залежи коего есть в окрестностях, что ни в одном доме я не могу спать спокойно, когда дует, – как говорят моряки, «легкий бриз», и я убежден, что моему слуге Роджеру Уильямсу или такому же сильному чело-

---

[17] *…проход… как на Ковент-гарден…* – На том месте в Лондоне, где некогда находился сад настоятеля Вестминстерского аббатства, разбита была в XVII в. большая площадь с аркадами, на которой устроен был цветочный и фруктовый рынок; этот «проход с аркадами» имеет в виду Смоллетт.

[18] *Гигрометр* – аппарат для измерения влажности воздуха.

веку ничего не стоит пробить ногой самую толстую стену в этих домах. Все эти нелепости суть последствия всеобщего стремления к роскоши, которое обуревает всю нацию и даже ее подонков.

Каждый разбогатевший выскочка, напялив модный костюм, выставляет себя напоказ в Бате, где, как в фокусе, лучше всего производить наблюдения. Чиновники и дельцы из Ост-Индии, нажившие немало добра в разграбленных землях, плантаторы, надсмотрщики над неграми, торгаши с наших плантаций в Америке, не ведающие сами, как они разбогатели; агенты, комиссионеры и подрядчики, разжиревшие на крови народа в двух следующих одна за другой войнах; ростовщики, маклеры, дельцы всех мастей; люди без роду, без племени – все они вдруг разбогатели так, как не снилось никому в былые времена, и нечего удивляться, если в их мозги проник яд чванства, тщеславия и спеси. Не ведая никакого другого мерила величия, кроме хвастовства богатством, они растрачивают свои сокровища без вкуса и без разбора, не останавливаясь перед самыми сумасбродными затеями, и все они устремляются в Бат, ибо здесь, не обладая никакими иными заслугами, они могут водиться с нашими вельможами.

Даже жены и дочери мелких торговцев, охотящиеся, точно плосконосые акулы, за жиром сих неуклюжих китов фортуны, заражены той же страстью покичиться; малейшая хворь служит им поводом для поездки в Бат, где они могут ковылять в контрдансах и котильонах среди захудалых лордов, сквайров, адвокатов и клириков. Эти хрупкие создания из Бедфордбери, Батчер-роу, Крачд Фрайерс и Ботолф-лейн[19] не могут дышать тяжелым воздухом нижней части города или мириться с простым обиходом заурядных гостиниц; посему их мужья должны позаботиться о найме целого дома или богатой квартиры в новых домах.

Таково общество в Бате, которое именуется «светским». Здесь немногие порядочные люди теряются в наглой толпе, лишенной понятия и ровно ничего не смыслящей в приличиях и благопристойности; и ничто не доставляет ей такого удовольствия, как издеваться над теми, кто выше ее.

И вот количество людей и домов продолжает возрастать, и этому конца не видно, разве только ручьи, питающие сей неодолимый поток сумасбродств и нелепостей, иссякнут либо пойдут другим руслом вследствие какой-нибудь случайности, которую я не берусь предсказывать. Об этом предмете, сознаюсь вам, я не могу писать мало-мальски спокойно, ибо чернь – чудовище, которое всегда мне было противно, – и голова его, и хвост его, и брюхо, и конечности. Я ненавижу его как олицетворение невежества, самонадеянности, злобы и жестокости; но не меньше осуждаю я всех лиц обоего пола, независимо от их звания, положения и состояния, которые ему подражают и перед ним заискивают.

Но я дописался до того, что пальцы у меня скрючились и мне становится тошно. По вашему совету я послал в Лондон несколько дней назад за полуфунтом женьшеня, хоть я и сомневаюсь, такое ли действие оказывает женьшень, ввозимый из Америки, как женьшень ост-индский. Несколько лет назад мой приятель заплатил шестнадцать гиней за две унции, а спустя полгода женьшень продавался в лавке по пяти шиллингов за фунт. Короче говоря, мы живем в мире обмана и подделок.

Итак, я не знаю ничего равноценного подлинной дружбе умного человека – какая это редкая драгоценность! – каковой дружбой, мне кажется, я обладаю, и повторяю прежнее свое уверение в том, что остаюсь, дорогой мой Льюис, любящим вас

М. Брамблом.

Бат, 23 апреля

Когда я сюда приехал, меня привела в волнение разразившаяся буря, и я снял небольшой дом на Милшем-стрит, где и поселился весьма удобно за пять фунтов в неделю. Вчера я

---

[19] *Эти хрупкие создания из Бедфордбери, Батчер-роу и пр.* – Смоллетт иронизирует, называя несколько лондонских улиц, населенных главным образом мелкими торговцами, – Мясной ряд и пр.

был в галерее минеральных вод и выпил около пинты воды, которую, кажется, мой желудок принял хорошо. Завтра утром я впервые буду купаться, и посему с одной из ближайших почтовых карет вы можете ожидать неприятного письма. Очень рад узнать, что прививка оспы[20] бедняжке Джойс пошла ей на пользу и на лице ее останется мало оспин. Ежели бы мой друг сэр Томас был холостяком, я не послал бы к нему в дом такую хорошенькую девушку; но поскольку я особливо поручил ее попечению леди Г., одной из лучших женщин на свете, она может без колебаний туда идти, как только оправится и сможет служить. Дайте ее матери денег, дабы та снабдила ее всем необходимым, а она может ехать верхом позади своего брата на Боксе, но строго накажите Джеку, чтобы он заботился о верном старом коне, который своей прежней службой честно заслужил теперешний отдых.

[20] *Прививка оспы.* – Речь идет не о вакцинации, то есть прививке вируса телячьей оспы (лат. vaccinus – коровий), ставшей известной в 1796 г., но о заражении здорового человека вирусом натуральной оспы, ибо такое заражение приводило к тому, что болезнь протекала в более слабой форме. Подобная прививка известна была в Китае и на всем Востоке в глубокой древности, и в 1717 г. о ней узнали в Англии. Распространение ее привело к тому, что подвергшиеся прививке здоровые люди, не будучи изолированы, являлись рассадниками болезни, и к концу XVIII в. количество смертных случаев от заболевания оспой в Англии даже увеличилось по сравнению с началом века. Только вакцинация, вызвавшая бешеное сопротивление церкви и многочисленных врачей, принесла человечеству спасение от оспы.

Мисс Уиллис, в Глостер

Моя любезная подруга!

Не могу выразить словами, сколь обрадовалась я вашему письму, которое было вручено мне вчера. Любовь и дружба, несомненно, прекрасные чувства, а разлука помогает лишь тому, чтобы они стали крепче и сильней. Ваш милый подарок – гранатовые браслеты – я буду хранить так же бережно, как жизнь свою, и прошу вас принять в благодарность от меня мою рабочую шкатулку и памятную книжечку в черепаховом переплете как скромный залог неизменной моей привязанности.

Бат для меня – это новый мир. Все здесь веселы, благодушны, все здесь развлекаются. Роскошь нарядов и уборов непрестанно радует взор, а слух услаждает шум карет, колясок, портшезов и других экипажей. «Веселые колокольчики звенят» с утра до ночи. Затем нас приветствуют в нашем доме уличные музыканты. Каждое утро музыка в галерее минеральных вод, до полудня котильоны в зале ассамблей, балы два раза в неделю и концерты по вечерам, а также собрания в частных домах и танцевальные вечера без конца.

Как только мы устроились в нанятом нами помещении, нас посетил церемониймейстер, миловидный маленький джентльмен, такой приветливый, такой любезный, такой учтивый и обходительный, что в наших краях он мог бы сойти за принца Уэльского. А говорит он так очаровательно и стихами и прозой, что вы пришли бы в восторг, слушая его речи, ибо да будет вам известно, что он великий писатель и у него есть пять трагедий, готовых для театра. Он оказал нам честь, отобедав с нами по приглашению моего дядюшки, а на следующий день сопровождал тетушку и меня, показывая все уголки Бата, который поистине является земным раем. Круглая площадь и Променады приводят на память роскошные дворцы, какие изображены на гравюрах и картинах, а новые дома на Пренс-роу, Арлекин-роу, Бледуд-роу и на двадцати других проспектах похожи на волшебные замки, воздвигнутые на висячих террасах.

В восемь часов утра мы в дезабилье отправляемся в галерею минеральных вод, где теснота такая же, как на валлийской ярмарке; и здесь вы можете наблюдать самых знатных особ и самых мелких торговцев, которые без церемоний проталкиваются вперед. Музыка, играющая в галерее, духота и запах, который исходит от такой толпы, а также гул голосов вызвали у меня в первый день головную боль и дурноту, но потом все это стало привычным и даже приятным.

Под самыми окнами галереи минеральных вод находится Королевский бассейн – громадный водоем, где вы можете наблюдать больных, погруженных по самую шею в горячую воду. На леди надеты коричневые полотняные кофты и юбки и плетеные шляпы, в которые они прячут носовой платок, чтобы утирать пот с лица; но то ли от окружающего их пара, то ли от горячей воды или от их костюма, а может быть, от всего вместе взятого вид у них такой разгоряченный и устрашающий, что я всегда отвожу от них взгляд.

Тетушка утверждала, будто каждая светская особа должна появиться в бассейне, так же как в церкви аббатства, и смастерила чепец с вишневого цвета лентами под цвет своего лица, а вчера утром заставила Уин погрузиться вместе с нею в воду. Но, право же, глаза у тетушки были такие красные, что я прослезилась, когда смотрела на нее из галереи. Что до бедной Уин, которая надела шляпу, обшитую синим, то серое ее лицо и страх придали ей сходство с призраком какой-то бледной девы, утопившейся из-за несчастной любви. Выйдя из бассейна, она приняла капли ассафетиды, весь день была в расстройстве чувств, и мы едва могли помешать тому, чтобы она не впала в истерику. Но хозяйка ее говорит, что это пойдет ей на пользу, и бедная Уин приседает со слезами на глазах. Мне же довольно того, что каждое утро я выпиваю примерно полпинты воды.

За стойкой распоряжается человек вместе со своей женой и служанкой, перед ними выстроены в ряд стаканы разных размеров; вам остается только указать на любой из них, и

его немедленно наполняют горячей, с пузырьками, водой из источника. Горячая вода всегда вызывает у меня тошноту. Однако здешняя вода не только не вызывает ее, но даже довольно приятна на вкус, полезна для желудка и оказывает живительное влияние на расположение духа. Вы и вообразить себе не можете, сколь удивительна ее целебная сила. На днях дядюшка начал пить ее, но при этом делал гримасы, и я опасаюсь, как бы он от нее не отказался. В первый день по приезде в Ват его обуял ужасный гнев, он избил двух арапов, и я боялась, что он завяжет драку с их хозяином, но незнакомец оказался человеком миролюбивым. Как заметила тетушка, подагра бросилась дядюшке в голову, но, полагаю, припадок гнева изгнал ее оттуда, так как с той поры он чувствовал себя замечательно хорошо. Какая жалость, что он страдает этим ужасным недугом! Ибо когда боли у него прекращаются, он самый благодушный человек в мире, такой мягкий, такой щедрый, такой добросердечный, что все его любят; ко мне же он в особенности так добр, что никогда не сумею я выразить глубокое чувство благодарности за его нежную любовь. Возле галереи минеральных вод находится кофейня для леди, но, по словам тетушки, молодых девиц туда не пускают, так как там ведут разговор о политике, скандальных происшествиях, философии и других предметах, недоступных нашему пониманию. Но нам разрешают сопровождать леди в лавки книгопродавцов – очаровательные местечки, где мы читаем романы, пьесы, памфлеты и газеты за весьма малую плату – крона за три месяца, и в этих прибежищах разума (как называет их мой брат) мы первыми узнаем все новости и все приключения в купальнях. Покинув книжную лавку, мы совершаем обход модисток и торговцев безделушками, после чего всегда заходим к мистеру Джилу, кондитеру, подкрепиться желе, тортом или пудингом.

На другом берегу реки, против рощи, есть еще одно место для увеселений, куда общество переправляется в лодках. Называется оно Сады минеральных вод, прелестный уголок с аллеями, прудами и цветниками, и есть там длинный зал для завтраков и танцев. Так как местность эта низменная и сырая, а погода стоит очень дождливая, дядюшка, боясь, что я схвачу простуду, не разрешает мне бывать там. Но тетушка говорит, что это пустой предрассудок, и в самом деле, очень многие джентльмены и леди из Ирландии посещают это место и как будто чувствуют себя не хуже, чем раньше. По их словам, танцы в Садах минеральных вод, где воздух влажен, предписаны им как превосходное целебное средство от ревматизма. Два раза я была на театральных представлениях, где, несмотря на прекрасную игру актеров, веселое общество и очень красивые декорации, я невольно вспомнила со вздохом наши бедные, скромные представления в Глостере. Но пусть моя милая мисс Уиллис сохранит сие в тайне. Вы знаете мое сердце и извините его слабости.

Главным же местом для развлечений в Бате служат две публичные залы; там, то в одной, то в другой – каждый вечер собирается общество. Залы просторные, высокие и, когда зажжены огни, оставляют сильное впечатление. Обычно они битком набиты нарядными посетителями, которые, разбившись на группы, пьют чай, играют в карты, прогуливаются или же сидят и беседуют, как кому угодно. Дважды в неделю дают балы, а оплату расходов добровольно берут на себя джентльмены по подписке, и каждый подписчик получает три билета. В прошлую пятницу я была на таком балу вместе с тетушкой в сопровождении моего брата, который состоит подписчиком, и сэр Улик Маккалигут представил мне кавалера – своего племянника капитана О'Донагэна, но Джерри просил извинить меня, сказав, что у меня болит голова. В самом деле, так оно и было, хотя я понять не могу, как он об этом узнал.

В зале было так жарко, а воздух столь непохож на тот, которым мы привыкли дышать в деревне, что меня начала трясти лихорадка, когда мы вышли. Тетушка объясняет это особенностями моей натуры, огрубевшей среди лесов и гор, и говорит, что это пройдет, когда я привыкну к благородному обществу.

Сэр Улик был весьма учтив, наговорил тетушке множество цветистых комплиментов, а когда мы удалились, усадил ее с большими церемониями в портшез. Кажется, капитан не прочь

был оказать мне такую же услугу, но мой брат, завидев его, взял меня под руку и пожелал ему доброй ночи. Конечно, капитан – красивый мужчина, высокий, стройный и хорошо сложенный, со светло-серыми глазами и римским носом, но во взорах его и обращении есть что-то дерзкое, приводящее в замешательство.

Но боюсь, что я истощила ваше терпение этим длинным, бессвязным, писанным каракулями письмом, которое я потому и заканчиваю, и уверяю вас, что ни Бат, ни Лондон, ни все светские развлечения никогда не изгладят образа моей дорогой Летти в сердце вечно ее любящей

Лидии Мелфорд.

Бат, 26 апреля

Мисс Мэри Джонс, Брамблтон-Холл

Дорогая Молли Джонс!

Я достала франкованное письмо[21] и отвечаю на ваше письмо, его я получила в Горячих Водах от мистера Хиггинса вместе с чулками, сработала их для меня его жена, но толку от них никакого. В здешних местах никто таких не носит. Ох, Молли! Живете вы в деревне, и куда уж вам понять наше житье в Бате! Боже ты мой, как здесь рядятся, играют, танцуют, гуляют, ухаживают, антриги строят. Кабы не сделал меня господь такой скромной, много бы я могла порассказать о старой хозяйке, да и о молодой тоже; евреи с бородами, которые вовсе не евреи, а красивые христиане без единого волоска на бороде, бродят тут с очками, чтобы молвить словечко мисс Лидди. Но она такая душечка, невинная, как грудной младенец. Она мне все свои скрытные мысли открыла и призналась в страстной любви к мистеру Уилсону, но что его вовсе не так зовут, и хотя он играл с комедянтами, но хозяевам он ровня. Она мне подарила желтую мантельку, а миссис Драб, швея, говорили, что она будет хоть куда, надо ее почистить и прокурить серой. Вы знаете, желтый цвет очень к лицу моей физономии. Бог свидетель, какой я переполох вызову в мужеском поле, вот только покажусь в богатом воротнике и в полном наряде из газа, совсем как новом, я в прошлую пятницу купила у французинки-модистки мадам Фрипоно.

Милая моя, перевидела я всякие красоты в Бате – Променаты, площади круглые, полукруглые, преспекты и всякие дома, два раза я лазила с хозяйкой в басейну, и на спине у нас ничего не было. В первый раз я страсть как испускалась и весь день была в трехволнениях, а потом притворилась, будто у меня голова трещит, но хозяйка сказала, что коли я не пойду, то должна принять рвотного. Я-то помнила, каково пришлось миссис Гуиллим, когда она приняла его на одно пенни, и решила уж лучше полезть с ней в басейну. и приключился там со мной грех. Я обронила юбку и не могла достать ее с самого дна. Но что за беда? Пускай себе люди смеялись, но увидеть-то они ничего не могли, потому что я стояла под самый под подбородок в воде. Правда, уж так я себя не помнила, что не знаю, что говорила и что делала, и как меня оттуда вытащили и завернули в одеяла. Мисс Табита малость поругала меня, когда мы вернулись домой, но она-то знает, что я тоже кое-чего знаю.

Да помилует нас господь! Есть тут такой сэр Ури Малигут из Балналинча, графство Каловай, – я это записала от его камердина, мистера О'Фризла, и этот сэр Ури получает со своего именья полторы тысячи в год, – и уж, конечно, он и богатый и щедрый. Но вы-то знаете, Молли, что я всегда была горазда держать секреты, значит, он мог преспокойно поверить мне все о своей пламенной страсти к моей хозяйке, а уж что и говорить, страсть у него почтенная, потому как мистер О'Фризл уверяет, что ему наплевать на ее приданое. И взаправду, что значит жалкие десять тысяч для такого богатейшего барона? Вот я и сказала мистеру О'Фризлу, что у нее за душой ничего больше нет. А что до Джона Томаса, так он ужас какой. Поверите, я думала, он подерется с мистером О'Фризлом, когда он пригласил меня потанцевать с ним в Садах генеральных вод. Но богу известно, я и думать не думаю ни о том, ни о другом.

---

[21] *Франкованное (искаженное «франкированное») письмо.* – В эпоху Смоллетта пересылка почтовых отправлений оплачивалась не отправителем, но адресатом. Система оплаты была крайне сложной, а размер ее очень высок и зависел не только от расстояния, на которое письмо пересылалось, но и от веса, величины и даже формы письма. Господствующие классы ухитрились переложить тяжесть оплаты корреспонденции на те группы населения, для которых высокая оплата была особенно тяжела. Они добились привилегии для всех чиновников и для членов парламента, которыми в ту эпоху, как известно, могли быть в основном только землевладельцы, посылать в неограниченном количестве почтовые отправления – не только свои, но любые, свободными от оплаты, «франкированными» (franc – свободный от пошлины), выставляя на них свое имя. Каждый землевладелец пли буржуа мог легко получить такую пометку на письме. Старая система оплаты писем ликвидирована была только в 1840 г. – через семьдесят лет после смерти Смоллетта.

А домашняя новость – самая худая, что Чаудер болеет животом, он кушает одно белое мясо, да и того по малости, и притом еще храпит и как будто раздулся. Доктора говорят, ему угрожает водянка. У приходского священника Мэроуфета такая же болесть, ему оченно помогают здешние воды, по Чаудеру они, видно, так же не по вкусу, как и нашему сквайру. А хозяйка говорит, коли ему не полегчает, так она непременно повезет его в Аберганни[22] пить козью сыворотку. Что и говорить, бедное животное совсем пропадает здесь без моцивона, а потому она хочет каждый день вывозить его на прогулку в парчезе на Данс. У меня завелись самые что ни на есть лучшие знакомые в здешних местах, а тут у нас самые сливы обчества. Мы с миссис Патчер, горничной миледи Килмакуллок, все равно что родные сестры. Она мне открыла все свои секреты, научила, как стирать газ и обмолодить порыжелый шелк и бамбазин – ну надо прокипятить с уксусом и прокислым пивом. Мой короткий сак и передник теперь как новые, точно из лавки, а я помыла мой помпудур в черепаховой воде, и он стал как роза свежий. Но у вас, Молли, нет на все это понятия. Коли мы поедем в Аберганни, мне до вас будет только день пути, и тогда, бог даст, мы свидимся. А коли нет, то поминайте меня в своих молитвах, как и я вас поминаю; поберегите мою кошечку и поцелуйте за меня Саулу. И вот пока это все от вашей возлюбленной подруги и слуги

Уинифред Дженкинс.

Бат, 26 апреля

[22] *…повезет его с Аберганни…* – искаженное Абергеванни, городок в полутораста милях от Лондона.

Миссис Гуиллим, домоправительнице в Брамблтон-Холле

Я удивлена, что доктор Льюис взял да отдал олдернейскую корову, не подумав спросить меня. Да разве приказания брата чего-нибудь стоят? Мой брат почти что выжил из ума. Он готов отдать последнюю рубашку со спины и зубы изо рта. Да уж коли на то пошло, он разорил бы свое семейство дурацкой благотворительностью, не будь у меня моего капитала. Из-за его упрямства, мотовства, капризов и раздражительного нрава я точно в кабале какой. С той поры как теленка послали на рынок, олдернейская корова давала по четыре галлона в день. Вот сколько молока потеряла моя молочная ферма, и пресс должен стоять без дела. Но я не желаю терять ни одной сырной корки, и я свое наверстаю, если служанки будут обходиться без масла. А если уж они непременно хотят масла, то пускай сбивают его из овечьего молока. Но тогда я потеряю на шерсти, потому что овцы будут не такие жирные, а, значит, я все равно останусь в убытке. Да, терпенье можно сравнить с крепким валлийским пони: многое он вынесет и будет себе бежать да бежать, а в конце концов все-таки выбьется из сил. Может быть, скоро я докажу Матту, что родилась на свет не для того, чтобы до самой смерти быть в его долге последней служанкой.

Гуин пишет из Крикхоуола, что цена на фланель понизилась на три фартинга за эл[23]; вот еще одно пенни вытащили у меня из кармана. Если я отправляю продать что-нибудь на рынке, мой товар, изволите видеть, воняет; но если я хочу купить самую что ни на есть простую вещь, продавец сует мне под нос и цены не может сложить.

Думаю, что в Брамблтон-Холле все идет вкривь и вкось. Вы пишете, что гусак разбил яйца, а уж такого финоменона я вовсе не понимаю, потому что в прошлом году, когда гусыню утащила лиса, он занял ее место, высидел яйца и защищал гусенят, как нежный родитель.

Еще пишете вы мне, что от грома скисли две бочки пива в погребе, но я понять не могу, как пробрался туда гром, если погреб заперт на два замка? Ну да все равно, я и слышать не хочу, чтобы пиво вылили, пока я не увижу его собственными глазами. Может, оно еще отойдет, а на худой конец дать его слугам вместо уксуса.

Вы можете перестать топить камин в спальне моего брата и в моей, потому что еще неизвестно, когда мы воротимся.

Я надеюсь, вы позаботитесь, Гуиллим, чтобы в доме ничего не тратили зря, присматривайте за служанками и следите, чтобы они сидели за пряжей. Думаю, что в жаркую погоду они могут обойтись и без пива: оно только горячит кровь, и они сходят с ума по мужчинам. Вода пойдет им на пользу для красоты лица, и они остынут и поутихнут.

Не забудьте положить в мое портманто, которое привезет Уильямс, мой выездной костюм, а также шляпу и перо, а также флакон с земчужной водой и настойку для желудка, потому что я очень страдаю от бурления газов. И пока на этом кончаю и остаюсь ваша

Табита Брамбл.

Бат, 26 апреля

[23] *Эл* – мера длины; 114 сантиметров.

Доктору Льюису

Дорогой Дик!

Я уже покончил с водами, поэтому ваш совет пришел на день позже. Признаю, что медицина – тайна, созданная не вами. Я знаю, что она сама по себе тайна и, как все тайны, требует изрядного глотка веры, дабы она не застряла в горле.

Два дня назад по совету моего друга Ч. я пошел в Королевский бассейн очистить поры кожи, чтобы помочь выделению пота, и первое, что я увидел, был ребенок, весь покрытый золотушными язвами, которого слуга нес на руках под самым носом купающихся. Это зрелище так меня потрясло, что я немедленно ушел с негодованием и отвращением. Подумайте только – гной из этих язв, плавая в воде, соприкоснется с моей кожей, когда поры открыты!! Каковы будут последствия? Боже правый, от одной этой мысли у меня кровь стынет в жилах! Мы не имеем понятия, какие болячки омываются в воде и какого рода гной может в нас проникнуть: из золотушных язв или цинготных, раковых или оспенных, а от жары заразительный яд становится еще более летучим и прилипчивым. Дабы очиститься от подобной скверны, я отправился в частную купальню герцога Кингстона, где чуть не задохнулся от недостатка воздуха: купальня там весьма мала, а испарения слишком удушливы.

Кстати сказать, если кто хочет только помыться, я убежден, что простая вода более полезна, чем насыщенная солями и железом, которая является вяжущей, стягивает поры и образует на теле нечто вроде корки.

Но теперь я опасаюсь не только купаться, но и пить воды, ибо после длительной беседы с доктором об устройстве насоса и водоема я не уверен, не глотают ли посетители галереи минеральных вод обмывки купальщиков. У меня есть подозрение, что вода из купальни просачивается в водоем. А в таком случае ну и лакомое же питье получают ежедневно больные: питье, смешанное с потом, грязью, перхотью и разнообразными отвратительными выделениями двух десятков тел, распаренных внизу, в купальне.

Желая избежать этой грязной смеси, я наведался к источнику, снабжающему водой частную купальню на Аббей Грин. Но тут я сразу обратил внимание на странный вкус и запах воды, а расспросив кое-кого, выяснил, что, когда отрыли в этом месте римские бани[24], нашли над ними старинное кладбище, принадлежавшее аббатству, и, по-видимому, вода просачивалась сквозь эту землю. Итак, ежели в галерее минеральных вод мы пьем отвар из тел живых людей, в частной купальне мы глотаем жидкость, пропущенную сквозь сгнившие скелеты. Клянусь богом, от этой мысли меня тошнит!

Порешив больше не пользоваться батскими минеральными водами, я не стал бы беспокоиться, если бы только мог найти для утоления жажды нечто более чистое и менее вредное; но, невзирая на ключи превосходной воды, бьющие по склонам холмов, нас окружающих, жители большей частью пользуются минеральной водой из источника, столь насыщенной селитрой, квасцами и другими минералами, что эта вода неприятна на вкус и вредна для здоровья. Впрочем, здесь, на Милшем-стрит, у нас есть дополнительный – правда, ненадежный и скудный – источник воды, текущей с холма и собираемой в открытый водоем на Круглой площади, которому угрожает загрязнение, ибо здешние жители способны швырять в него из озорства или по невежеству дохлых собак, кошек, крыс и всякую дрянь.

Ни один народ не пьет так по-свински, как англичане.

---

[24] *…открыли… римские бани…* – Раскопки, произведенные в Бате в 1755 г., показали, что батские минеральные источники были известны еще в эпоху завоевания Англии римлянами. Обнаруженные римские бани состояли из нескольких бассейнов, наполнявшихся в свое время водой из источников.

То, что именуется у нас вином, это отнюдь не сок виноградный. Это поддельная смесь из тошнотворных составных частей, приготовляемая остолопами, невеждами в составлении ядов; однако и наши предки отравлялись, и мы отравляемся этим проклятым пойлом, лишенным и вкуса и запаха. Единственные натуральные и полезные напитки в Англии – лондонский портер и дорчестерское столовое пиво, а ваш эль и джин, ваш сидр и грушовку и все виды искусственных вин я ненавижу, как адское зелье, созданное на погибель рода человеческого.

Но какое мне дело до рода человеческого? Есть у меня несколько друзей, а все остальные пусть убираются к…

Ей-ей, Льюис, моя мизантропия с каждым днем усиливается: чем дольше я живу, тем больше для меня невыносимы глупость и хитрости человеческие. Жалею, что уехал из Брамблтон-Холла. Слишком долго я прожил в уединении и не могу выносить людской суеты и наглости, а кроме того, в этих модных местах все насквозь фальшиво. Во всем, что мы едим и пьем, нас подстерегают ловушки; самый воздух, коим мы дышим, полон заразы. Даже спать мы не можем, не рискуя заразиться. Я говорю «заразиться» – ведь здесь сборище больных, а вы не станете отрицать, что многие болезни заразительны, даже чахотка очень заразительна. Когда кто-нибудь умирает от чахотки в Италии, кровать и постельное белье уничтожают, остальные вещи выносят на свежий воздух, помещение белят заново, прежде чем в нем поселится другое человеческое существо. Вы должны признать, что легче всего зараза прилипает к одеялам, перинам и тюфякам и дольше всего в них гнездится. Черт возьми! Откуда я знаю, какие несчастные создания обливались потом в постели, в которой я теперь лежу? Удивительно, как это вы, Дик, не надоумили меня послать за моими собственными тюфяками? Разумеется, не будь я ослом, я не нуждался бы в таком напоминании. Всегда мне на ум приходит какая-нибудь мысль, которая рисует меня в невыгодном свете и приводит в расстройство мои чувства. А потому переменим тему.

У меня есть другие причины сократить свое пребывание в Бате.

Вам знаком прав моей сестры Табби; если бы мисс Табита Брамбл не была мне сестрой, я, поверьте, счел бы ее самой… Но она нашла способ завоевать мое расположение, или, вернее, была обязана им предрассудку, каковой обычно называется «узы крови». Так вот эта любезная девица затеяла любовную игру с ирландским баронетом шестидесяти пяти лет. Зовут его сэр Улик Маккалигут. Говорят, что он голодранец, и я думаю, кто-то ввел его в заблуждение касательно ее богатства. Как бы там ни было, но отношения их весьма забавны, и о них уже начинают шептаться.

Что до меня, то я не собираюсь вмешиваться, пусть поступает, как ей вздумается, хотя я и найду способ открыть глаза ее воздыхателю на тот предмет, каковой он главным образом имеет в виду. Не думаю, впрочем, что ее поведение может служить достойным подражания примером для Лидди, которая также привлекает внимание повес в залах Бата, а Джерри мне сообщил, что он подозревает одного статного парня, племянника баронета, в замыслах овладеть девичьим сердцем. Посему я не спущу глаз ни с нее, ни с ее тетушки и, буде положение станет серьезным, разом все изменю. Можете вообразить, сколь это приятное занятие для такого человека, как я, иметь на своем попечении подобных особ!

Но довольно! До следующего раза вы больше не услышите ни одного брюзгливого слова от вашего

М. Брамбла.

Бат, 28 апреля

Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса

Дорогой баронет!

Я полагаю, не правы те, кто жалуется, будто Бат – слишком узкая арена, на которой разыгрываются одни и те же скучные сцены. Напротив, меня очень удивило, что такое местечко изобилует столь разнообразными развлечениями. Даже в самом Лондоне не найдешь увеселений, подобных коим нельзя было бы отыскать в Бате, в дополнение к тем, какие можно найти только в этом городке. Здесь, к примеру, можно ежедневно наблюдать самых достопримечательных людей. Их можно увидеть в натуральном виде, без всяких прикрас, сошедшими с пьедестала, без масок, созданных искусством или притворством.

Здесь мы найдем министров, судей, генералов, епископов, прожектеров, философов, остроумцев, поэтов, актеров, токарей, уличных музыкантов, балаганных шутов. Если пробыть здесь долго, непременно встретишь близкого приятеля, которого не ожидал увидеть никак, а для меня нет ничего более приятного, как эти неожиданные встречи. В Бате можно найти еще одно своеобразное развлечение благодаря тому, что здесь в публичных залах смешиваются представители всех сословий без различия положения и состояния. Дядюшка это осуждает, ибо видит в этом чудовищное смешение самых разнообразных убеждений, пошлую толпу, шумную и наглую, не соблюдающую приличий и непочтительную. Но этот хаос нравится мне весьма.

На вчерашнем бале я очень позабавился, увидев, как церемониймейстер торжественно провожает на почетные места престарелую Эбигейл[25], надевшую на себя платье, которое уже перестала носить ее госпожа; мне кажется, церемониймейстер принял ее за графиню, только что прибывшую на воды.

Бал был открыт шотландским лордом с мулаткой, богатой наследницей с острова Сент-Кристофер[26], а нарядный полковник Тинзел весь вечер танцевал с дочерью известного торговца скобяными товарами из Саутуорка в Лондоне. Вчера утром в галерее я видел, как владетельница поместья из Уэйпинга, страдающая одышкой, протискивалась сквозь группу пэров, чтобы приветствовать своего поставщика бренди, стоявшего, опираясь на костыли, у окна, а какой-то параличный законник с Шу-лейн, волоча ноги по пути к стойке, лягнул прямо в голень английского канцлера, покуда его лордство в коротком парике пил воду у источника. Удовольствие, каковое я получаю от наблюдения подобных сцен, я могу только объяснить тем, что они сами по себе очень забавны и усугубляют смехотворность жизненной комедии, которой я решил наслаждаться как можно дольше.

Все эти нелепости, от которых хандра моего дядюшки усиливается, вызывают у меня смех. Дядюшка подобен человеку, лишенному кожи, который не может выносить ни малейшего прикосновения, чтобы не отпрянуть. Для другого – щекотка, для него – мучение, однако же и у него бывают светлые минуты, когда рассудок, можно сказать, у него проясняется и он веселится вовсю.

Право же, я никогда не видел второго такого ипохондрика, которого столь заражало бы хорошее расположение духа другого человека. Он самый смешливый мизантроп, которого я

---

[25] *Эбигейл* – прозвище горничных; его происхождение связано с одним из библейских эпизодов (в Библии – Авигея); впервые в Англии горничная под этим именем выведена в пьесе Бомонта и Флетчерг «Презрительная леди» (XVII в.).

[26] *Остров Сент-Кристофер* – один из островов Вест-Индии (архипелага в Карибском море, у берегов Северной Америки), являвшейся для господствующих классов Англии XVIII в. неиссякаемым источником обогащения благодаря применению труда негров-рабов. Многочисленные английские плантаторы и негоцианты, выкачивая с острова Сент-Кристофер, как и с других островов Вест-Индии, хлопок, сахар, индиго, имбирь, тропические фрукты и т. д., быстро становились обладателями крупных состояний, чем и объясняется особое почтение церемониймейстера Бата к «богатой наследнице» с упомянутого острова.

встречал. Удачная шутка, а не то какой-нибудь забавный случай заставляют его хохотать без удержу даже во время приступов хандры, а когда припадок смеха проходит, он проклинает свою собственную глупость. В обращении с людьми чужими он не проявляет никаких признаков возбуждения, желчен он только с близкими людьми, но и с ними только тогда, когда ничем не занят. Но когда ничто внешнее не привлекает его внимания, он как бы замыкается в себе и сам себя грызет.

Он с отвращением отверг лечение водами, но нашел более целебное лекарство в публичных увеселениях. Среди инвалидов Бата он встретил нескольких старых своих приятелей и, в частности, возобновил знакомство с прославленным Джемсом Куином[27], который, без сомнения, приехал сюда не для того, чтобы пить воды. Можете не сомневаться, что я весьма любопытствовал узнать поближе этого чудака. И любопытство было удовлетворено мистером Брамблом, который дважды приглашал его к нам на обед.

Насколько я могу судить, личность Куина более почтенна, чем принято о ней говорить. Его меткие словечки на устах у всех остряков; но многие из этих словечек имеют соленый привкус, что заставляет считать, будто у него грубые понятия. Однако же я полагаю, что собиратели «куинианы» несправедливы к автору ее, ибо они упускают меж пальцев лучшие словечки и удерживают только те, которые приходятся по вкусу толпе. Как далеко он может зайти в часы разгула, я не берусь судить, но обычная его беседа подчинена самым строгим правилам благопристойности, и, несомненно, мистер Джемс Куин может почитаться одним из самых благовоспитанных людей в королевстве. Он не только самый приятный собеседник, но, как мне достоверно известно, человек очень достойный: дружелюбный, пылкий, надежный, даже самоотверженный в своих привязанностях, ненавистник лести, неспособный на какую-нибудь низость и притворство.

Однако если бы я судил только по внешнему виду Куина, я почел бы его гордым, дерзким и жестокосердным. В его взгляде есть что-то чрезвычайно суровое, неприятное, и мне говорили, будто он способен оскорблять тех, кто ниже его и от него зависит. Быть может, это сообщение и повлияло на мое суждение о его внешнем виде. Вы ведь знаете, какие мы глупцы, когда попадаем во власть предрассудков. Но как бы то ни было, я могу сказать о нем только благоприятное для него, а дядюшка, который часто разговаривал с ним с глазу на глаз, объявил, что он один из самых умных людей.

По-видимому, Куин питает взаимное уважение к старому подагрику, которого он называет запросто «Мэтью», и не раз вспоминает об их старых трактирных приключениях. И когда бы Куин ни появлялся, глаза у Мэтью сверкают. Как бы дядюшка ни скрипел и ни дребезжал, Куин может настроить его на лад, и, подобно дисканту и басу в концерте, они прекрасно спелись.

На днях зашел разговор о Шекспире, и я не удержался, чтобы не сказать с чувством, что готов заплатить сотню гиней за удовольствие увидеть мистера Куина в роли Фальстафа; на это он, повернувшись ко мне, с улыбкой ответил:

– А я, молодой джентльмен, дал бы тысячу гиней, чтобы удовлетворить ваше желание.

У обоих – у дядюшки и у него – совершенно одни и те же суждения о жизни, которая, по словам Куина, воняла бы и ударяла ему в нос, если бы он не смачивал ее кларетом.

Я хочу видеть этого феномена во хмелю и почти уговорил дядюшку угостить его в «Медведе». А теперь я должен поведать вам об одном происшествии, которое как бы подтверждает мнение этих дух цинических философов.

---

[27] *Джемс Куин* – (1693–1766) – известный английский актер-классицист, типичный представитель «старой» сценической школы; обладая огромным темпераментом и прекрасной дикцией, Куин был актером «декламационного» стиля, отвергнутого крупнейшим реформатором английской сцены XVIII в. Гарриком.

Я имел смелость разойтись во мнениях с мистером Брамблом, когда он заметил, что смешение людей разных званий, которое мы наблюдаем здесь в местах публичных увеселений, пагубно для порядка и для учтивого обхождения и что это смешение побуждает плебеев быть невыносимо дерзкими и назойливыми, а также делает грубыми поведение и чувства тех особ, которые вращаются в высших сферах общества. По словам дядюшки, такое нелепое соединение неминуемо вызовет презрение к нам всех наших соседей и принесет нации больше вреда, чем порча золотой монеты. Я, напротив, заявил, что те плебеи, которые столь ловко заимствуют наряды особ высокого звания, со временем позаимствуют также их суждения и манеры, приобретут лоск благодаря беседам с ними и по их образцу; когда же я отнесся к мистеру Куину и спросил, не думает ли он, что такое смешение окажет благодетельное влияние на всех, он сказал:

– Да… Как блюдце с вареньем окажет благодетельное влияние на горшок с пометом.

Сознаюсь, я не могу почесть себя весьма сведущим в жизни большого света, но все же мне пришлось присутствовать на так называемых «светских» ассамблеях в Лондоне и в других местах; в Бате таковые ассамблеи ничем от них не отличны, а участников здешних ассамблей нельзя упрекнуть в отсутствии хороших манер и в неведении приличий.

– Но возьмем, к примеру, – сказал я, – Джека Холдера, который готовился стать клириком, но после смерти старшего брата унаследовал имение, приносящее две тысячи фунтов в год. Ныне он в Бате и разъезжает в фаэтоне, запряженном четверкой, под звуки охотничьих рогов. Во всех тавернах Бата и Бристоля он угощает своих гостей черепахой и кларетом, покуда они не насытятся яствами по горло. Он купил дюжину роскошных костюмов по выбору церемониймейстера, попечению коего он себя вверил. Он проиграл на бильярде несколько сот фунтов мошенникам и взял на содержание девицу с Эйвон-стрит; но его советчик, полагая, что всеми этими средствами не удастся исчерпать его текущего счета, подбил его устроить завтра в зале Уилтшира званый чай. Дабы придать этой затее больший блеск, на каждом столе будут красоваться цветы и сласти, к которым, однако, нельзя будет прикасаться, покуда не прозвучит колокол, а тогда уж леди могут дать себе полную волю. Это будет неплохой способ распознать воспитанность гостей…

– Я погляжу на этот опыт! – воскликнул дядюшка. – Если мне удастся выбрать местечко, чтобы водоворот не закрутил меня, чего надо опасаться, я буду там и позабавлюсь сим зрелищем.

Куин посоветовал отправиться на галерею, где сидят музыканты, и мы порешили последовать его совету.

Холдер отправился туда раньше нас, припрятав свои охотничьи рога, но нам не чинили препятствий. Чай отпили, как обычно, и в ожидании сигнала к атаке гости встали из-за столов и стали прогуливаться, а когда колокол зазвонил, они ринулись к десерту, и началось столпотворение. Какая была давка, какая свалка, как все хватали, ругались, визжали! Букеты вырывали друг у друга из рук, срывали с груди; чашки и стаканы полетели на пол; столы и пол усеяны были конфетами. Гам, проклятья, в ход были пущены тропы и фигуры с Биллингсгейта[28] во всем их натуральном виде, и эти цветы риторики сопровождались соответственными жестами. Одни щелкали пальцами, другие показывали шиши, третьи хлопали себя по заду, в конце концов женщины вот-вот готовы были вцепиться друг другу в волосы, и все предвещало всеобщее побоище, когда Холдер отдал приказ своим охотничьим рогам трубить, чтобы распалить участников свалки и подзадорить их к бою.

Однако этот маневр привел отнюдь не к тем последствиям, каких он ожидал; они поняли его как упрек, который немедленно заставил их опомниться и почувствовать, сколь непри-

[28] *…тропы и фигуры с Биллингсгейта…* – то есть брань, которой славились торговки с Биллингсгейтского рыбного рынка, расположенного у Темзы в районе, населенном деклассированными элементами.

стойно они себя повели. Тут они устыдились своего нелепого поведения, и сразу все стихло. Они собрали все свои шляпки, плоеные манжеты и платочки, и многие из них молча удалились, весьма огорченные.

Это приключение заставило Куина хохотать, но деликатные чувства дядюшки были потрясены. Явно опечаленный, он понурил голову и, по-видимому, сожалел о том, что предсказание его столь блистательно оправдалось. И в самом деле, его победа была еще более полной, чем он полагал, ибо, как мы потом узнали, две амазонки, особенно отличившиеся в битве, явились не из окрестностей Паддлдока, но из аристократической местности, расположенной по соседству с Сент-Джемским дворцом. Одна из них была баронесса, другая – вдова богатого баронета.

Дядюшка не вымолвил ни слова, покуда мы не пришли в кофейню, где он, сняв шляпу и вытерев лоб, сказал:

– Слава богу, что мисс Табиты Брамбл сегодня там не было.

– Бьюсь об заклад, что она стоила бы всей компании! – воскликнул Куин.

Сказать по правде, ничто не смогло бы удержать ее дома, если бы по случайности она не приняла слабительное, прежде чем узнала, какое ее ждет развлечение. Уже в течение нескольких дней она подновляла свое старое платье из черного бархата, чтобы появиться в паре с сэром Уликом на предстоящем балу.

Я мог бы немало рассказать об этой моей любезной родственнице, но я еще не познакомил ее с вами надлежащим образом. Она крайне обходительна с мистером Куином, саркастический юмор которого, кажется, внушает ей почтительный страх, но ее наглость одерживает верх над ее благоразумием.

– Мистер Гуин, – сказала она на днях, – мне очень понравилось, как вы играли привидение Гумлета в Друри-лейн, как это вы вылезли из-под пола, а лицо у вас было белое, а глаза красные, и вы еще сказали об «уличной девке на ужасном дикобразе»[29]. Сделайте одолжение, сыграйте немного привидение этого самого Гумлета!

– Мадам, дух Гумлета почил и никогда больше не воскреснет, – сказал с невыразимым презрением Куин.

Но мисс Табита, не поняв, что он ее оборвал, продолжала:

– О, как вы были похожи на привидение! И говорили прямо как привидение. А потом петух закукарекал так натурально! Понять не могу, как это вы научили его кукарекать в самое что ни на есть нужное время! Должно быть, это был бойцовый петух? Правда, мистер Гуин?

– Это был самый простой петух, мадам.

– Простой или не простой, это неважно, но у него был такой чистый альт, что мне бы хотелось достать другого такого в Брамблтон-Холл, чтобы будить служанок по утрам. Где бы я могла достать какого-нибудь его потомка?

– Возможно, в работном доме в приходе Сен-Джилс, мадам, но должен вам заметить, мне неизвестно, в каком он жил курятнике.

Дядюшка, вскипев от раздражения, воскликнул:

– Боже мой, о чем вы толкуете, сестра? Двадцать раз я вам говорил, что сего джентльмена зовут отнюдь не Гуин!..

– Неужто, братец? – отозвалась мисс Табита. – А разве это обида? Гуин самая что ни на есть почтенная английская фамилия… Я думала, что джентльмен происходит от миссис Элен Гуин[30], которая занималась тем же, что и он. А если это так, он, может быть, потомок короля Карла, и у него в жилах течет королевская кровь!..

---

[29] *…об «уличной девке на ужасном дикобразе».* – Табита Брамбл коверкает слова, произносимые Тенью отца Гамлета (действие I, сцена 5). У Шекспира: «иглы на взбешенном дикобразе» (quills – иглы, quails публичные девки, frightful – ужасный, но также взбешенный).

[30] *Элен Гуин* – Элинор Гуин (1650–1687), одна из любовниц короля Карла II Стюарта, известного своим распутством;

– Нет, мадам, моя мать не была столь знатной распутной девкой, – торжественно сказал Куин. – Но, пожалуй, я в самом деле склонен полагать, что мой предок – король, ибо частенько нет удержу моим желаниям. Будь я сейчас неограниченным монархом, я приказал бы подать на блюде голову вашей стряпухи. Она повинна в преступлении против сей рыбы, которую она беспощадно накромсала, да к тому же подала без соуса. O tempora! O mores![31]

Эта шутливая выходка направила беседу в более спокойное русло. Но дабы вы не сочли мои писанья столь же утомительными, сколь и болтовню мисс Табби, не прибавлю больше ничего, кроме того только, что остаюсь, как всегда, ваш

Дж. Мелфорд.

Бат, 30 апреля

раздражение Дж. Куина на Табиту Брамбл объясняется тем, что Элинор Гуин, которую современники называли «pretty witty» – «остроумная красотка», действительно начинала свою карьеру на улицах Лондона, чтобы затем стать одной из первых по времени актрис в английском театре, где до той поры женские роли исполнялись мужчинами.

[31] О времена! О нравы! *(лат.)*.

Доктору Льюису

Дорогой Льюис!

Получил ваш вексель на Уилтшир, который был оплачен точно в срок, но я не хочу держать при себе столько денег в чужом доме и потому здесь, в Бате, внес в банк двести пятьдесят фунтов, откуда и возьму чеками на Лондон перед отъездом отсюда, когда сезон подойдет к концу.

Да будет вам известно, что я сейчас на ногах и решил показать Лондон моей племяннице Лидди. Она – одно из самых добрых созданий, которых я когда-либо знал, и с каждым днем я привязываюсь к ней все больше. Что до Табби, то я уже сделал намеки ирландскому баронету касательно ее имущественного положения, а сие, не сомневаюсь, охладит пыл его искательства. Тогда гордость ее встрепенется, вспыхнет злоба, присущая перезрелой девственнице, и мы не услышим от нее ничего, кроме ругани и поношений при упоминании о сэре Улике Маккалигуте. Сей разрыв, как я предвижу, облегчит нам отъезд из Бата, где в настоящее время Табби по всем признакам ублажает себя с превеликим удовольствием. Что до меня, то я так ненавижу Бат, что был бы не в состоянии так долго оставаться здесь, если бы не встретил старых приятелей, беседа с которыми смягчает дурное расположение духа.

Как-то поутру я отправился в кофейню и разглядел внимательно посетителей, разглядел не без удивления и жалости. Нас было тринадцать человек: семеро охромевших от подагры, ревматизма или паралича, трое случайно изувеченных калек, а остальные глухие или слепые. Один еле ковылял, другой припадал на ногу, третий еле ползал, точно раненая змея, четвертый раскорячился между длинными костылями, будто мумия преступника, повешенного в цепях, пятый, подталкиваемый двумя носильщиками, согнулся пополам, напоминая телескоп на подставке, а у шестого виден был только бюст, втиснутый в кресло на колесах, передвигаемое с места на место слугой.

Меня поразили лица некоторых из них; я справился в книге посетителей, нашел там имена нескольких старых моих приятелей и стал всматриваться в присутствующих более внимательно. Тут я узнал контр-адмирала Болдерика, друга моей юности, которого не видал с той поры, как он получил назначение лейтенантом на «Северн». Он преобразился в пожилого человека с деревянной ногой и обветренным лицом, казавшимся еще более старым благодаря седым кудрям, придававшим ему весьма почтенный вид; сидя за столом, где, углубившись в газету, сидел и он, я некоторое время вглядывался в него со смешанным чувством радости и сожаления, от коего сердце мое преисполнялось нежностью, а потом взял его за руку и сказал:

– Эх, Сэм, сорок лет назад я не думал… – Тут я столь расчувствовался, что не мог продолжать.

– Да неужто старый приятель! – воскликнул он, схватив мою руку и впившись в меня взглядом сквозь очки. – По виду судно знакомое, хоть и здорово износилось с тех пор, как мы расстались, но вот никак не могу выудить из памяти, как оно зовется…

Не успел я назвать себя, как он закричал:

– Матт! Старина! Еще держится на воде!

Вскочив, он сжал меня в объятиях. Но его восторг обошелся мне недешево, ибо, целуя меня, он въехал мне в глаз дужкой очков, а деревяшкой наступил на подагрический большой палец. От сей атаки слезы у меня полились не на шутку. Когда волнение, вызванное встречей, улеглось, он указал мне на двух общих наших приятелей. «Бюст» – это было все, что осталось от полковника Кокрила, каковой во время американской кампании утратил способность пользоваться конечностями, а «телескоп» оказался моим однокашником по колледжу, сэром Реджиналлом Бентли, который, получив титул и неожиданное наследство, занялся охотой на

лисиц, не пройдя посвящения в ее тайны, а следствием было то, что он в погоне за лисицами через реку получил воспаление кишок, после чего и скрючился.

Тотчас же прежние наши отношения возобновились, и сопровождались они самыми сердечными выражениями взаимного доброжелательства, а так как встретились мы неожиданно, то порешили пообедать все вместе в тот же день в таверне. Мой друг Куин, по счастью, не был занят и почтил нас своим присутствием. И, право же, это был самый счастливый день в моей жизни за последние двадцать лет. Мы с вами, Льюис, всегда были вместе, а потому никогда и не испытали тех высоких дружеских чувств, какие возникают после долгой разлуки. Я не могу выразить и половины того, что я чувствовал во время неожиданной встречи нескольких приятелей, столь долго разлученных и столь пострадавших от жизненных бурь. Это было возрождение юности, вроде воскрешения из мертвых, как бы воплотившего мечты, в коих мы иногда извлекаем наших старых друзей из могилы. Может быть, удовольствие не было мне менее приятно оттого, что к нему примешивалось меланхолическое чувство, вызванное воспоминанием о картинах прошлого, от которых возникли мысли о некоторых дорогих сердцу узах, в самом деле разорванных рукою смерти.

Казалось, веселость и хорошее расположение духа торжествовали над телесными немощами собравшихся. Они были даже настолько философы, что подшучивали над собственными бедами; такова сила дружбы – превосходнейшего целебного лекарства в жизни. Однако потом я узнал, что у всех у них бывали минуты, даже часы, тревожные. Каждый из них при последующих наших встречах сетовал на свои обиды, и все они в сущности роптали. Все они, – и не только потому, что с каждым из них случилась беда, – почитали себя неудачливыми в лотерее жизни. Болдерик жаловался, что в награду за свою долгую и трудную службу он получает только половинное жалованье контр-адмирала. Полковник был обижен тем, что его обогнали на службе генералы-выскочки, из коих некоторые служили под его начальством; по натуре был он человеком щедрым и с трудом мог жить на ежегодную ренту, за которую продал свой патент[32]. Что же до баронета, то, погрязши в долгах после избирательной борьбы, он вынужден был отказаться от своего места в парламенте, а также от права представительства графства и отдать свое имение в опеку. Но огорчения его, виновником коих был он сам, растрогали меня гораздо меньше, чем огорчения двух других, столь достойно подвизавшихся на широкой арене, а ныне вынужденных влачить скучную жизнь и вариться до конца своих дней в этом котле праздности и ничтожных дел.

Они уже давно отказались от лечения водами, убедившись в их бесполезности. По состоянию своего здоровья они не могут забавляться городскими увеселениями. Как же они ухитряются коротать здесь время? Поутру они ковыляют в залы или в кофейню, где играют в вист либо судят да рядят над «Дженерал адвертайзер»[33], а вечера убивают где-нибудь в гостях среди брюзгливых калек и выживших из ума старух. Так-то обстоит дело со многими людьми, которым, казалось, было уготовано лучшее будущее.

---

[32] *…ренту, за которую продал свой патент.* – Патент на офицерский чин. Ни в одной капиталистической стране не был закрыт людям неимущим доступ в офицерство с такой откровенностью, как это имело место в Англии. Это было достигнуто введением официальной продажи государством офицерских чинов, вскоре после так называемой «славной революции» 1688 г. Такая система надежно защищала господствующие классы от проникновения их классовых противников в состав офицерства, но, с другой стороны, столь понижала боеспособность командного состава, что весьма скоро войны с Францией заставили правительство отменить продажу патентов. Тем не менее она продолжала фактически существовать, и с 1711 г. снова официально была разрешена при королеве Анне, а при Георге I в 1720 г. был утвержден новый тариф с еще более высокими расценками на все офицерские чины. Только в семидесятых годах прошлого века продажа патентов на офицерские чипы была окончательно воспрещена.

[33] «*Дженерал адвертайзер*» – лондонская газета, основанная в 1726 г. и называвшаяся «Лондон дейли пост энд Дженерал адвертайзер» – «Лондонская ежедневная почта и Всеобщий листок объявлений». В том году, к которому относятся события, упоминаемые в романе, газета уже давно (с 1752 г.) называлась «Паблик адвертайзер». Смоллетт не случайно назвал эту газету, оппозиционную королевскому двору, ибо именно над ней «судили да рядили» посетители кофейни, считавшие себя незаслуженно обойденными правительством.

Лет десять назад немало достойных, но небогатых семейств, помимо тех, какие приезжали сюда для лечения, селились на жительство в Бате, где тогда можно было жить с удобствами и даже одеваться весьма нарядно, тратя на все это небольшие деньги. Но в безумные наши дни это место стало им не по средствам, и теперь они вынуждены подумать о переезде в другой город. Кое-кто уже бежал в горы Уэльса, другие укрылись в Экзетере. Там, разумеется, их настигнет поток роскоши и излишеств, который заставит их переезжать с места на место до самого Конца земли[34]; а там, конечно, они должны будут сесть на корабль и отплыть в другие страны.

Бат стал помойной ямой распутства и вымогательства. Каждая вещь домашнего обихода чрезвычайно поднялась в цене – обстоятельство, коему нельзя удивляться, если вспомнить, что все здешние жители, у которых есть хотя бы самые ничтожные деньги, чванятся тем, что держат открытый стол, полагая, будто их славе споспешествует потаканье плутовству слуг, находящихся в заговоре с рыночными торговцами, которые, стало быть, получают столько, сколько запросят.

Есть здесь богатый выскочка, который платит повару семьдесят гиней в неделю за то, что тот ему готовит только обед. Это чудовищное безумие столь заразительно, что его не избегли даже отбросы человечества. Я знаю, что некий надсмотрщик над неграми с Ямайки заплатил хозяину одной из зал за один только чай и кофе для приглашенных шестьдесят пять гиней, а наутро таинственно исчез из Бата, причем его гости понятия не имели, кто он такой, и даже не пытались узнать его имя.

Такие случаи бывают нередко, и каждый день изобилует такими несуразностями, слишком непристойными, чтобы мыслящий человек мог ими позабавиться.

Но я чувствую, что хандра быстро надвигается на меня, а посему я ради вас кончаю письмо, дабы вы, дорогой Дик, не имели повода проклинать переписку с вашим

М. Брамблом.

Бат, 5 мая

[34] *Конец земли* – самая крайняя западная точка Англии в юго-западном графстве Корнуэлл; гранитная скала с рифом, уходящим в море.

Мисс Летиции Уиллис, в Глостер

Дорогая моя Летти!

Двадцать шестого числа прошлого месяца я послала вам с почтовой каретой длинное письмо, из которого вы можете узнать о нашем житье в Бате. Теперь же, пользуясь сей оказией, посылаю вам две дюжины колец из Бата и прошу вас взять себе шесть самых лучших, а остальные раздайте по своему усмотрению молодым леди, нашим подругам. Не знаю, одобрите ли вы девизы, из которых некоторые мне не совсем по вкусу, но я принуждена была купить уже готовые кольца.

Я досадую, что ни вы, ни я не получали больше никаких вестей от некой ведомой вам особы, но, право же, это не может быть умышленным пренебрежением! О дорогая моя Уиллис! У меня рождаются фантастические мысли и меланхолические сомнения, которым, однако, не имея сведений, было бы не великодушно предаваться.

Дядюшка, подаривший мне очень красивый гранатовый убор, поговаривает о поездке в Лондон для нашего увеселения; что, как можете вы себе представить, будет весьма приятно; но мне так нравится Бат, что, смею надеяться, он не помыслит о том, чтобы услать отсюда до конца сезона, и однако – говорю по секрету вам, как другу, – с тетушкой моей произошло нечто) такое, что, вероятно, сократит срок пребывания нашего здесь.

Вчера поутру она отправилась без нас позавтракать в одну из зал, а через полчаса вернулась в большом смятении, захватив с собою в портшез и Чаудера. Я полагаю, что-то, должно быть, случилось с этим злополучным животным, которое является причиной всех ее треволнений. Милая Летти! Как печально, что женщина в таких летах и с ее благоразумием дарит свою любовь такому безобразному злому псу, который на всех рычит и огрызается! Я спросила сопровождавшего ее лакея, Джона Томаса, что случилось. Но он только ухмыльнулся. Послали за известным собачьим доктором, и тот взялся излечить больного при условии, если ему разрешено будет увезти его к себе домой, но хозяйка Чаудера не пожелала с ним расстаться. Она приказала кухарке принести горячую тряпку и собственноручно обмотала ему брюхо. Она и слышать не хотела о том, чтобы отправиться вечером на бал, и, когда пожаловал к нам сэр Улик, не соизволила к нему выйти, а потому он ушел искать себе другую даму. Мой брат Джерри посвистывает и приплясывает. Дядюшка пожимает плечами или принимается хохотать. Тетушка то плачет, то бранится, а ее горничная Уин Дженкинс таращит глаза, дивится и ходит с преглупой физиономией, снедаемая любопытством. Что до меня, то я любопытствую не меньше, чем она, но расспрашивать стесняюсь.

Может быть, со временем тайна откроется, так как если что-нибудь произошло в залах, недолго удастся хранить это в секрете. Известно мне только, что вчера за ужином мисс Брамбл очень презрительно отзывалась о сэре Улике Маккалигуте и осведомилась у своего брата, намеревается ли он держать нас все время в Бате, чтобы мы изнывали здесь от зноя.

– Нет, сестра Табита, – ответил он с лукавой улыбкой, – мы уедем отсюда раньше, чем настанет собачья жара, но я не сомневаюсь, что при некотором воздержании и благоразумии мы круглый год можем сохранять хладнокровие даже в Бате.

Не понимая смысла этого намека, я не берусь обсуждать его теперь, но, быть может, позднее я смогу дать вам удовлетворительное объяснение, а пока прошу вас без промедления отвечать на мои письма и по-прежнему любить навеки вам преданную

Лидию Мелфорд.

Бат, 6 мая

Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса

Итак, мисс Блекерби подняла ложную тревогу и мои деньги спасены? Однако мне бы хотелось, чтобы ее признание не было преждевременным, ибо, если молва о том, что я способен сделать ее матерью, могла быть для меня лестной, то интрига с подобным треснувшим сосудом не делает мне чести.

В последнем письме я говорил, что мне хотелось бы повидать Куина во хмелю в какой-нибудь таверне, которая является храмом веселья и дружбы и где Куин, как некий жрец Комуса[35], проявляет по вдохновению остроту и игривость ума; это удовольствие я получил.

Я обедал вместе с членами его кружка в «Трех бочках» и имел честь пересидеть его. Вечером, в половине девятого, он был доставлен домой, нагруженный шестью добрыми бутылками кларета, а так как это произошло в пятницу, то он приказал не будить его раньше полудня в воскресенье. Не думайте, что эти бутылки возымели какое-нибудь действие на его способность вести беседу; нет, она стала еще более занимательной. Правда, за несколько часов до нашей разлуки он перестал управлять своими конечностями, но превосходно сохранил все другие способности, а поскольку он делился любой причудливой мыслью, как только она рождалась, я был поражен блеском его ума и силой его речей. Куин поистине услаждает себя яствами и напитками и прослыл таким эпикурейцем в обычном значении этого слова, что не может довольствоваться столом для простых смертных. Для него это столь важно, что он всегда заботится самолично о съестных припасах, и посему каждый, кто ест и пьет вместе с ним, может быть уверен в том, что блюда будут лакомые, а вина превосходные. Он признает, что слишком привержен чревоугодию, и часто подшучивает над собственной страстью, но в этой наклонности нет никакого себялюбия. Он полагает, что веселая пирушка объединяет добрую компанию, веселит дух, распахивает сердца, развязывает языки и наилучшим образом споспешествует общению. Но мистер Джеме Куин не такой человек, чтобы описать его в одном письме, а посему я оставлю его почивать и перейду к совсем другой личности.

Вы выразили желание поближе познакомиться с нашей тетушкой и предполагали позабавиться рассказом о ее отношениях с сэром Уликом Маккалигутом, но надежды ваши не оправдаются – эти отношения прервались. Ирландский баронет – старый пес, который отрывается от преследования, когда почует запах падали.

Я уже писал вам, что мисс Табита Брамбл девица и ей сорок пять лет. На вид она рослая, поджарая, неуклюжая, плоскогрудая и сутулая; лицо у нее желтое и покрыто веснушками, глаза у нее не серые, а зеленоватые, как у кошки, и обычно воспалены, волосы у нее песочного или, скорей, сероватого цвета; у нее низкий лоб, длинный, острый нос, кончик, что в холодную погоду всегда красный, большой рот с увядшими губами, зубы редкие, разного цвета и формы и шатаются, а на длинной сморщенной ее шее тысяча морщин.

Нрав у нее спесивый, упрямый, она суетна, высокомерна, любопытна, злобна, жадна и скупа. Весьма возможно, что ее природная суровость была отравлена разочарованием в любви, так как ее длительное безбрачие отнюдь не вызвано ненавистью к брачной жизни. Напротив: она землю рыла, дабы освободиться от обидной клички «старая дева».

Меня еще на свете не было, когда она зашла столь далеко в своей любовной интриге с неким офицером-вербовщиком, что ее доброе имя слегка пострадало. Потом она начала закидывать удочку приходскому викарию, который бросал неясные намеки о назначении на церковную должность, зависящую от ее брата; но, узнав, что должность уже обещана другому, сей

[35] *…жрец Комуса.* – Комус – бог веселья у римлян; его часто изображали нетрезвым.

викарий ускользнул, а мисс Табби в отместку добилась того, что его лишили и места викария! Следующим ее возлюбленным был лейтенант с военного корабля, наш родственник, который, не понимая прелести нежной страсти, не выражал отвращения к сочетанию брачными узами с кузиной Табби; но прежде чем все было улажено, он отправился в плаванье и был убит в бою с французским фрегатом. Тетушка, хотя она и обманывалась часто в своих надеждах, не впадала еще в отчаяние. Она расставила свои ловушки доктору Льюису, коего можно назвать fides Achates[36] моего дядюшки. По сему случаю она даже заболела и уговорила дядюшку выступить посредником между нею и его другом. Но доктор Льюис был осторожен, его нельзя было уловить пустой болтовней, и он наотрез отказался делать предложение. И вот мисс Табита должна была вновь вооружиться терпением после тщетных усилий поссорить двух друзей, и в настоящее время она считает за благо быть очень любезной с Льюисом, который стал ей необходим как лекарь.

Однако на том не кончились ее попытки связаться ближе с нашим полом. Поначалу ее состояние не превышало тысячи фунтов, но после смерти сестры она получила еще пятьсот, а лейтенант оставил ей в завещании триста. Эту сумму она больше чем удвоила, ибо, проживая у брата, не несла никаких расходов и торговала сыром и валлийской фланелью – тем, что приносили ему молочная ферма и овцы. Ныне ее состояние возросло до четырех тысяч фунтов, а ее корыстолюбие с каждым днем становится все более хищным. Но даже это ее качество не столь невыносимо, как злобность ее натуры, которая является для всего семейства источником постоянной докуки и неурядиц. Она из тех злых духов, какие находят дьявольское наслаждение в том, чтобы внушать ближним своим ненависть и ужас.

Однажды я сказал дядюшке, что меня удивляет, как это он, с его нравом, терпит в доме такую чуму, когда столь легко от нее избавиться. Слова мои задели его, ибо он мог их истолковать как обвинение в недостатке смелости. Сморщив нос и сдвинув брови, он сказал:

– Молокососа, когда он впервые сунет свой нос в житейские дела, многое удивляет из того, что человек поживший считает обычным и неизбежным. Сия драгоценная ваша тетушка, черт бы ее побрал, незаметно стала частью меня самого. Она – плоть от плоти моей, а стало быть, noli me tangere[37], я терпеть не могу, когда задевают это место!

Я ничего не ответил и заговорил о другом. Он в самом деле чувствует привязанность к этой чудачке, которая сохраняет свое положение, вопреки здравому смыслу и невзирая на презрение, которое он, конечно, питает к ее уму и нраву. И она, я в этом уверен, весьма привязана к нему, хотя ее любовь проявляется только в сварливости и она постоянно мучит его, побуждаемая к тому нежными чувствами. Единственное существо в доме, с коим она обходится ласково, это ее собака Чаудер, дрянной пес с Ньюфаундленда, полученный ею в подарок от жены шкипера из Суэнси. Кажется, будто она почтила сего пса своей любовью единственно по причине его уродливости и злого нрава, а может, она питает к нему симпатию, ибо по натуре они сходны. Так или иначе, но она постоянно его ласкает и донимает все семейство этим проклятым животным, которое явилось ближайшим поводом ее разрыва с сэром Уликом Маккалигутом.

Да будет вам известно, что она решила уйти тайком от бедняжки Лидди и явилась к утреннему завтраку в залу только в сопровождении своего пса в надежде встретиться с баронетом, который уговорился танцевать с ней вечером.

Как только Чаудер показался в зале, церемониймейстер, возмущенный его появлением, устремился, чтобы ею прогнать, и хотел ударить его ногой; но пес не посчитался с его авторитетом и, оскалив крепкие, длинные, острые белые зубы, нагнал страх на тщедушного владыку Бата. Тот, перепугавшись, остался лицом к лицу с врагом и поднял крик, призывая лакея, как

[36] Верный Ахатес *(лат.)*. Ахатес – преданный друг Энея из «Энеиды» Вергилия.

[37] Не тронь меня *(лат.)*.

вдруг появился сэр Улик Маккалигут и бросился к нему на помощь. Якобы не ведая об отношениях между дамой его сердца и вторгшимся псом, он наградил пса таким ударом в челюсть, что тот с воем отлетел к двери. Мисс Табита, возмущенная этим оскорблением, завопила столь же неприятным голосом и устремилась за ним, сопровождаемая с одной стороны баронетом, приносившим извинение за сделанный промах, а с другой – церемониймейстером Дерриком, который пенял ей за нарушение правил.

Ее отнюдь не удовлетворили извинения баронета, и она сказала, что, по ее мнению, он не джентльмен, а когда церемониймейстер предложил ей руку, чтобы отвести ее к портшезу, она ударила его по пальцам веером.

Дядюшкин лакей еще не успел уйти от двери, а потому она вместе с Чаудером влезла в свой портшез, и они отбыли, сопровождаемые насмешками носильщиков и прочих зрителей. Я катался верхом по Клеркендаун и зашел в залу, когда суматоха улеглась. Баронет с огорченным видом подошел ко мне и поведал о приключении, над которым я от души посмеялся, после чего лицо его прояснилось.

– Любезный друг! – сказал он мне. – Когда я увидел, как этот дикий зверь, разинув пасть, рычит на церемониймейстера и хочет его разорвать, словно рыжая корова Мальчика-с-пальчик, я должен был прийти на помощь этому человеку. Ох! Мне никогда не снилось, что этот зверь сопровождает мисс Брамбл! Знай я это, пусть бы он позавтракал этим Дерриком! На здоровье! Но вам известно, друг любезный, сколь свойственно нам, ирландцам, ошибаться и попадать впросак. Все же я принесу покаяние и буду умолять о прощении. Надо надеяться, что раскаявшегося грешника простят.

Я сказал ему, что, поскольку у него не было умысла обидеть ее, она едва ли будет неумолима.

Но, правду говоря, его огорчение было притворным. Прельщая мисс Табиту галантным обхождением, он ошибся в оценке ее капитала по меньшей мере на шесть тысяч фунтов; из этого заблуждения ему только что помогли выйти. Поэтому он схватился за первый благоприятный повод навлечь на себя ее неудовольствие в такой форме, чтобы порвать отношения, а для достижения этой цели не мог бы выбрать лучшего способа, чем ударить ее собаку.

Когда он появился у наших дверей, чтобы засвидетельствовать почтение оскорбленной красавице, он не был принят, и ему дали понять, что в будущем он никогда не застанет ее дома. Но она не была столь же неприступной с Дерриком, который пришел требовать удовлетворения за оскорбление, нанесенное ему не больше не меньше как в его собственных владениях. Она понимала, что следует быть весьма любезной с церемониймейстером, покуда ей придется посещать залы ассамблей, а прослышав, будто он к тому же является поэтом, она боялась, как бы он не изобразил ее в какой-нибудь балладе или пасквиле. Поэтому она принесла извинения за содеянное, в котором повинно было ее волнение, и потом подписалась на его поэмы. Таким образом он был весьма ублажен и рассыпался в комплиментах. Он даже попытался помириться с Чаудером, отвергшим, впрочем, примирение, и заявил, что внимательно поищет в анналах Бата, нет ли в них прецедента, каковой позволил бы разрешить ее любимцу пребывание в залах ассамблей на следующее утро во время завтрака. Но, мне кажется, она не решится подвергнуть себя или своего любимца вторичному унижению. Кто займет место Маккалигута в ее сердце, я не могу предвидеть. Но она не пропустит ни одного мужчину. Правда, она очень привержена церкви и отличается крайней нетерпимостью к иноверию, но, полагаю, что в настоящее время она не стала бы возражать против заключения договора о бракосочетании с анабаптистом, квакером или иудеем и скрепила бы сей договор даже обращением в другую веру. Впрочем, может быть, я слишком строго сужу сию родственницу, но должен сознаться, она весьма мало заслужила доброе мнение вашего

Дж. Мелфорда.

Бат, 6 мая

Доктору Льюису

Вы спрашиваете меня, почему я не езжу верхом, чтобы дышать воздухом, когда погода хороша. По каким аллеям этого рая мог бы совершать я сии прогулки? Должен ли я препоручить себя большим дорогам на Лондон или на Бристоль, чтобы задохнуться там от пыли или быть задавленным насмерть в гуще почтовых карет, повозок, подвод с углем, в гуще светских джентльменов, гарцующих на большой дороге с целью похвастать искусством верховой езды, а также карет светских леди, устремившихся туда с целью похвастать своими нарядами. Либо я должен посягнуть на холм и утомиться до смерти, взбираясь на него бесконечно, без надежды добраться до вершины? Так знайте же: туда, на эту возвышенность, я пытался вскарабкаться, но то и дело сползал назад в яму, полную тумана, изнуренный бесполезными усилиями; а здесь мы, несчастные, хворые люди задыхаемся и бьемся, точно китайские живцы на дне пуншевой чаши. Клянусь небом, это похоже на волшебство! Ежели я не развею чары и не спасусь бегством, может случиться, испущу дух в этой мерзкой, грязной дыре.

Только два дня назад я чуть было не отправился к праотцам без всякого предупреждения. Величайшая моя слабость – невозможность противостоять влиянию людей, мнения коих я презираю. Сознаюсь со стыдом и смущением, что не могу бороться против докучливой настойчивости. Сие отсутствие мужества и твердости – изъян в моей натуре, который вы имели возможность часто наблюдать с сожалением и даже с неудовольствием. Боюсь, что некоторые из наших добродетелей, которыми мы хвастаем, проистекают из сего источника.

Но покончу с предисловием. Меня уговорили отправиться на бал, дабы поглазеть, как Лидди танцует менуэт с единственным сыном богатого лондонского подрядчика, юным дерзким щеголем, мать которого живет по соседству от нас и завела знакомство с Табби.

Битых два часа я сидел, стиснутый со всех сторон в гуще толпы, и диву давался, как это сотни людей, причисляемых к разумным существам, могут находить развлечение в том, чтобы любоваться вялыми животными, выделывающими в течение целого вечера все одну и ту же глупейшую фигуру на пространстве размером в портняжий стол. Я не удивлялся бы, ежели бы здесь могли потешить и привлечь внимание красота, грациозность, великолепный наряд или любая смена пусть даже нелепых картин, но здесь ничего этого не было; было только скучнейшее повторение одной и той же томительной, бессмысленной сцены, представляемой актерами, которые, казалось, засыпали на ходу.

От бесконечного проплывания сих призраков перед глазами у меня закружилась голова, которой и так повредил вонючий воздух, прошедший сквозь нездоровые легкие множества людей.

Я ретировался от двери, ведущей в соседнюю залу, и там беседовал с моим другом Куином; когда менуэт кончился, скамьи отодвинули, чтобы очистить место для контрданса, и все зрители сразу встали со своих мест, от чего в зале поднялся вихрь. Тут совершенно неожиданно на меня налетел египетский смерч, столь насыщенный губительными испарениями, что мои нервы не выдержали и я без чувств упал на пол.

Вы легко можете себе представить, какую суматоху вызвало сие приключение на такой ассамблее. Вскоре, однако, я очнулся сидящим в кресле, вокруг меня были мои близкие. Сестра Табби с превеликой нежностью подвергла меня пытке, зажав мою голову под мышкой и пичкая мой нос нюхательной солью так, что в носу слезла кожа. Добравшись до дому, я послал за доктором Ч., который уверил меня, что для беспокойства нет оснований, ибо мой обморок вызван был случайно, действием вонючих испарений на слишком чувствительные нервы. Не знаю, каковы нервы у других людей, но, должно быть, они сделаны из весьма грубого вещества, раз могут вынести такое ужасное потрясение.

В самом деле, это была смесь отвратительных запахов, в коем сильнейшая вонь и резкие ароматы состязались между собой за преобладание. Вообразите хорошо очищенную вытяжку из смешанных меж собой благовоний, испускаемых гнилыми зубами, больными легкими, брожением в кишках, потными ногами, подмышками, мокрыми язвами и выделениями, а также пластырями, мазями, примочками, венгерской водой, лавандой, каплями ассафетиды, мускусом, нюхательными солями, – благовоний, к коим присоединяются тысячи других вонючих испарений, происхождение которых мне неведомо. Таков – о Дик! – пахучий эфир, который мы вдыхаем на изящных ассамблеях в Бате, такова та атмосфера, на каковую я променял чистый, свежий, бодрящий воздух валлийских гор! O rus, quando te aspiciam?[38] Удивляюсь, какой черт дернул меня… Но чем меньше слов, тем лучше. Я принял решение.

Вы можете быть уверены, что я не намерен для развлечения общества дать вторично театральное представление. В недобрый час я обещал отправиться в Лондон, и сие обещание надлежит выполнить. Но мое пребывание в столице будет кратким. Ради своего здоровья я задумал поездку на север, которая, надеюсь, позволит мне приятно провести время. Я никогда не путешествовал в этом направлении дальше Скарборо, и, полагаю, я, как британский земледелец, заслуживаю упрека в том, что прожил немало, а еще не совершал поездки за Твид. А кроме того, в Йоркшире проживает кое-кто из моих родственников, с которыми надлежало бы познакомить моего племянника и его сестру.

А теперь мне нечего добавить, кроме того, впрочем, что Табби благополучно рассталась со своим ирландским баронетом и что я не премину время от времени сообщать вам о дальнейших наших приключениях, хотя вы, должно быть, охотно обошлись бы без этих знаков внимания со стороны вашего покорного слуги

М. Брамбла.

Бат, 8 мая

[38] О деревня, когда я тебя увижу? *(лат.)*

Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса

Дорогой Филипс!

Несколько дней назад нас ужасно обеспокоил обморок дядюшки на бале. С той поры он постоянно клянет себя за то, что пошел туда по просьбе неразумной женщины. Он говорит, что в будущем скорей согласился бы пойти в дом к чумному больному, чем в подобную отвратительную больницу, ибо он клянется, будто упал в обморок из-за зловония, испускаемого толпой; по его словам, ему не нужно лучшего доказательства, что мы сделаны из более грубого вещества, так как нам не вредит то, от чего ему стало так дурно. Что до меня, то я очень благодарен грубости моих органов, которым не угрожает опасность стать жертвой чувствительности моего носа.

Мистер Брамбл отличается крайней деликатностью душевной, равно как и телесной. Мне рассказывал доктор Льюис, что дядюшка дрался однажды на дуэли с офицером конной гвардии, который по малой нужде остановился в парке у стены, когда дядюшка проходил мимо вместе с леди. Кровь у дядюшки вскипает всякий раз, при каждой дерзкой или жестокой выходке, даже если это его нимало не касается, а неблагодарность доводит его до скрежета зубовного. С другой стороны, рассказ о благородном, человеколюбивом, добром поступке вызывает на глазах его слезы умиления, которые он часто с великим трудом пытается скрыть.

Вчера некий Паунсфорд разослал приглашения на званый чай. Этот человек в течение долгого времени терпел невзгоды и уехал за границу; и вот судьба, порешив вознаградить его за прежнюю свою немилость, сразу вознесла его на вершину благополучия. Он появился из тьмы и предстал в сверкающей мишуре. Мне не приходилось слышать, чтобы он совершал поступки, почитаемые законом бесчестными, либо что богатство сделало его надменным и недоступным; напротив, он изо всех сил старается казаться приветливым и любезным. Но, по слухам, он очень избегает прежних своих друзей, которые слишком грубы и неотесаны, чтобы появиться среди теперешних его блестящих знакомых, а также не любит встречаться со старыми своими благодетелями, коих человек честный с радостью признал бы. Как бы то ни было, но он пригласил к себе столь многочисленное общество, что когда мы с дядюшкой пришли вечером в кофейню, там никого не было, кроме одного только пожилого человека, сидевшего у камина и читавшего газеты. Мистер Брамбл уселся рядом с ним и сказал:

– По дороге в кофейню такая давка и столько портшезов, что мы с трудом прошли. Я предпочел бы, чтобы эти любимцы фортуны нашли более похвальный способ тратить свои деньги. Мне кажется, сэр, что вы так же мало любите сии развлечения, как и я?

– Я бы не сказал, что у меня есть большая охота до сих развлечений, – ответил джентльмен, не отрывая глаз от газеты.

– Простите, что я перебиваю вас, мистер Серл, – сказал дядюшка, – но мне крайне любопытно узнать, получили ли вы приглашение?

Его собеседник, по-видимому, был весьма удивлен таким вопросом и молчал, словно обдумывая, что ответить.

– Знаю, мое любопытство можно почесть дерзостью, – продолжал дядюшка, – но у меня есть особливые причины просить вас дать ответ.

– В таком случае, – сказал мистер Серл, – я не стану колебаться и удовлетворю ваше желание: нет, я не получил приглашения. Но позвольте мне, в свою очередь, спросить, каковы у вас основания полагать, будто я должен был получить приглашение от джентльмена, который созывает гостей на чай?

– Основания у меня есть, сэр! – воскликнул мистер Брамбл не без волнения. – И я больше чем когда-либо уверен, что сей Паунсфорд – человек презренный!

– Сэр, я не имею чести вас знать, – сказал собеседник, откладывая газету, – но ваши слова таинственны и нуждаются в пояснении. Особа, о коей вы отозвались столь пренебрежительно, – джентльмен, который пользуется весом в обществе… А у меня могут быть веские причины заступаться за него…

– Ежели бы я не был уверен в противном, – сказал дядюшка. – Я не зашел бы так далеко…

– Позвольте же мне заметить, сэр, – незнакомец повысил голос, – вы в самом деле зашли слишком далеко, отзываясь так…

Тут дядюшка перебил его, брюзгливо спросив, неужто в наши дни он такой Дон Кихот, что готов вызвать на поединок в защиту человека, который отнесся к нему с такой неблагодарностью и с таким пренебрежением.

– Что до меня, – добавил дядюшка, – то я не стану с вами ссориться из-за сей персоны, а мое мнение о нем вызвано столь же моим уважением к вам, сколь и презрением к нему…

Мистер Серл снял очки, всмотрелся в дядюшку и сказал более мягко:

– Конечно, я очень признателен… Ах! Мистер Брамбл! Теперь я вас узнал, хотя мы не виделись столько лет…

– Мы знали бы друг друга лучше, – ответил дядюшка, – если бы наши отношения не прервались из-за недоразумения по вине этого самого… Но это неважно… Я вас уважаю, мистер Серл, и вы можете располагать моей дружбой…

– Такое приятное предложение не отклоняют, и я от всего сердца принимаю его, – сказал мистер Серл, – а потому, прошу вас, переменим предмет нашей беседы, ибо он слишком для меня деликатен.

Дядюшка признал, что он прав, и разговор перешел на другие темы. Мистер Серл провел у нас вечер, показал себя человеком умным и даже занимательным, но по характеру был скорее склонен к меланхолии.

Дядюшка говорит, что он человек незаурядных способностей и безусловной честности; что его состояние, которое и так было невелико, сильно пострадало из-за его чрезмерного великодушия, которое он выказывал даже вопреки рассудку в пользу людей недостойных; что он спас Паунсфорда от нищеты, когда тот лишился и денег, и доброго имени; что он защищал его с великой горячностью, порвал с некоторыми друзьями и даже обнажил свою шпагу против моего дядюшки, у которого были особые основания сомневаться в честности упомянутого Паунсфорда; что без помощи и поддержки Серла тот никогда не смог бы, благодаря одним только счастливым обстоятельствам, вознестись на вершину благополучия; что Паунсфорд в первом порыве радости написал из чужих стран многим из тех, с кем переписывался, письма, в которых признавался в самых теплых выражениях, сколь многим он обязан мистеру Серлу, и заявлял, что готов отдать себя в полное распоряжение своего лучшего друга; что, несомненно, он давал такие же обещания и самому благодетелю, хотя последний никогда об этом не говорил, но с течением времени эти тропы и фигуры риторики вышли из употребления; что по возвращении в Англию он расточал любезности мистеру Серлу, приглашал его к себе и просил, чтобы тот считал его дом своим; что он ошеломил его уверениями и изъявлениями в любви и старался выражать свои чувства к нему в присутствии знакомых так, что все поверили, будто его благодарность столь же велика, сколь и богатство, а кое-кто даже принес поздравления мистеру Серлу.

Все это время Паунсфорд старательно и искусно избегал со своим бывшим покровителем разговоров об обязательствах, а у того было достаточно благородства, чтобы воздерживаться от самого легкого намека на уплату долга. Но, разумеется, человек такого склада, как он, должен был принимать близко к сердцу эту постыдную неблагодарность и в конце концов отказался от знакомства с Паунсфордом, ничего ему не сказав и никому не проронив об этом ни слова,

так что теперь, когда им приходится встречаться в публичном месте, их отношения ограничиваются легким поклоном, а это бывает весьма редко, ибо их пути разошлись.

Мистер Паунсфорд живет во дворце, ест изысканные яства, облачен в пышный наряд, появляется во всем блеске и проводит свое время среди аристократов. Серл живет на Столл-стрит, на третьем этаже, в комнатах, выходящих на задворки, ходит пешком, в костюме из батской саржи, тратит на еду двенадцать шиллингов в неделю и пьет воды в предотвращение подагры и каменной болезни.

Обратите внимание на превратность судьбы! Когда-то Паунсфорд проживал на чердаке и питался студнем из бараньих и коровьих ног, от каковой трапезы его пересадили к столу Серла, за которым всегда царило веселье, покуда отсутствие бережливости не привело Серла на склоне лет к скудной годовой ренте, едва достаточной для удовлетворения насущных нужд. Впрочем, Паунсфорд оказывает ему честь, отзываясь о нем с необычайным уважением и уверяя, что был бы очень рад позаботиться и его благоденствии. «Но, знаете ли, – неизменно добавляет он, – мистер Серл человек нелюдимый да и к тому же такой превосходный философ, что взирает на все излишества с величайшим презрением».

Набросав портрет сквайра Паунсфорда, я воздержусь от рассуждений о его характере и предоставляю это вашему разумению, полагая, что он встретит у вас не больше снисхождения, чем у вашего

Дж. Мелфорда.

Бат, 10 мая.

Мисс Мэри Джонс, Брамблтон-Холл

Милая Молли!

У нас суетня. Едем в Лондон. Довольно мы здесь сидим, потому как все у нас перевернулось. Хозяйка спровадила сэра Урика, он лягнул Чаудера, а я прогнала О'Фризла, голову ему намылила! Подумаешь, велика важность, леврея вся блестит и коса длинная! Под самым носом гулял с потаскушкой. Тут он мне и попался, когда спускался от нее с чердака, конешно, и этой девке я спуску не дала…

Ох, Молли! Слуги здесь в Бате – сущие черти. Никакого им нет удержу. Срам как забавляются, воруют, плутуют да наряжаются, вдобавок всегда недовольны. Они не хотят, чтобы сквайр и хозяйка жили здесь еще, потому мы уже сидим тут, в доме, больше трех недель, а при нашем отъезде они надеются получить по две гинеи каждый. Таков уж их приработок всякий месяц в сезоне, потому как ни одно семейство не имеет права проживать больше чем четыре недели в одном доме. И вот кухарка божится, что пришпилит к хвосту моей хозяйки кухонное полотенце, а горничная грозится, что положит в постель хозяину колючки, если он не уберется отсюда подобру-поздорову.

Я не браню их за то, что они хотят побольше содрать на чай и приработков, никто не скажет про меня, что я сплетница и доносчица на бедных служанок и доводила их до беды. Но совести у них нет, потому как они обижают таких же слуг, как они сами.

А у меня, Молли, пропало почти что целый эл блондов и кусок муслина, что оставался, да еще мой серебряный наперсток, залог верной любви. Все это лежало в моей рабочей корзинке, а когда хозяйка позвала меня, я все так и оставила на столе в людской. Оно конечно, кабы это и лежало под замком, все равно ничего не помогло, потому в Бате у всех замков два ключа. Здесь говорят: не разевай рот во сне, а нет – зубы утащат.

Вот я и сказала себе: вещи сами ходить не могут, надо смотреть в оба. Так я и сделала, и тут-то я застукала Бет вместе с О'Фризлом. А что до кухарки, так она плеснула на меня помои, потому я заступилась за Чаудера, он подрался с собакой, которая вертит вертел с мясом[39], и вот я порешила: доберусь до нее и выведу на чистую воду.

Утром я поймала поденщицу, да с поклажей, она уходила из дому и думала, что я еще сплю, а я повела ее со всем добром к хозяйке. О господи! Подумайте только, что она тащила! В руках ведерки, полные нашим лучшим пивом, а в подоле холодный язык, филейная часть говядины, пол-индюка и огромный кусок масла, а вдобавок еще с десяток свичей, которых почти что не зажигали. Кухарка всякий стыд потеряла и говорит, что может рыться в кладовой, и она готова пойти к самому мэру, потому как он много лет был ее лекарь, и не позволит обидеть бедную служанку, которая отдала объедки из кухни.

Я расправилась с Бет, потому что она задрала нос и обозвала меня нехорошими словами и сказала, что О'Фризл терпеть меня не может, и еще наврала с три короба. Тут я взяла у мэра приказ, констебль обыскал ее сундук, там, конечно, были мои вещи, а в придачу еще целый фунт восковых свичей и хозяйкин ночной чипец, в чем я могла присягать. Ох, тогда мадам Швабре пришлось попрыгать, но сквайр и слышать не хотел, чтобы подать на нее в суд, и, значит, ее не упекли. Но проживи она хоть сто лет, ей никогда не забыть вашей покорной слуги

Уинифред Дженкинс.

Бат, 15 мая

Если до нашего отъезда приедет сюда еще раз работник, пришлите мне сорочку и фартук, а также мои белые туфли, вы их найдете в моем мешке. Поклон Сауле.

---

[39] *…которая вертит вертел с мясом…* – В старые времена в Англии собак специально обучали вертеть вертел с мясом над очагом.

Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса

Вы правы, дорогой Филипс, я не жду ответа на каждое письмо – я знаю, что жизнь в колледже слишком однообразна и не дает пищи для столь быстрого обмена письмами. Что до меня, то я постоянно бываю в различных местах и передо мной возникают все новые и новые картины, многие из которых весьма удивительны. Потому я буду вести записи для вашего развлечения, и хотя, по-видимому, в них не будет ничего важного и занимательного, они отчасти могут оказаться и поучительными и забавными.

Музыка и развлечения в Бате кончились в этом сезоне, и все наши веселые уличные птички улетели на Бристольсютс источники, в Тавбридж, Брайтельстон, Скарборо, Хэрроугейт и т. д. Здесь не видно никого, кроме немногих страдающих одышкой священников, ковыляющих, как вороны, по Северной Променаде. В Бате всегда много клириков, – не этих ваших тощих, слабых, желтых, чахоточных особ, изнуренных от воздержания и ученых занятий, страдающих от morbi eruditorumi[40], – но важных, растолстевших прелатов и ректоров с красными носами и подагрическими ногами или с широкими, распухшими физиономиями, волочащих огромное, толстое брюхо – эмблему лени и дурного пищеварения…

Кстати, о духовных особах; я должен вам рассказать о забавном приключении, происшедшем на днях с Томом Истгетом, который, если вы помните, был на открытии колледжа Королевы. Он постоянно норовил жить на счет Джорджа Пранкли, учившегося в колледже Крайст Черч, ибо знал, что тот является наследником большого имения и от него будет зависеть получение богатого прихода, священник коего был стар и немощен. Том Истгет изучил его склонности и угождал им столь успешно, что стал его приятелем и советчиком, и в конце концов добился обещания оказать помощь ему как претенденту на место настоятеля в этот приход, когда оно освободится. Пранкли после смерти своего дяди покинул Оксфорд, появился в лондонском светском обществе, а затем приехал в Бат, где начал подвизаться среди щеголей и игроков. Истгет поехал за ним туда, но ему следовало бы не покидать его ни на минуту с той поры, как тот вступил в жизнь. Он должен был знать, что Пранкли глупый, ветреный парень с причудами и забудет о своих приятелях по колледжу, как только те исчезнут из поля его зрения. Том встретил со стороны своего старого друга холодный прием, а вдобавок узнал, что тот пообещал церковный приход кому-то другому, имевшему право голоса в графстве, где Пранкли намеревался пройти в парламент на ближайших выборах. Теперь он ничего не помнил об Истгете, кроме, пожалуй, того, что обычно подшучивал над Томом, а тот терпеливо это выносил, ни на минуту не теряя из виду бенефиции[41]; и он снова стал над тем насмехаться в кофейнях на потеху всем присутствующим, бросая пошлые саркастические замечания касательно его наружности и костюма.

Но он весьма ошибся, приписывая покорность Истгета своему остроумию, тогда как она была вызвана благоразумными соображениями. Теперь в них не было необходимости. Том отразил его насмешки, воздав ему с лихвой, и ему не стоило большого труда выставить в смешном виде самого зачинщика, который вышел из себя, разразился бранью и спросил, «знает ли он, с кем говорит». Завязалась перебранка, Пранкли, потрясая тростью, приказал Тому замолчать, угрожая выбить пыль из его сутаны. «Я не мог и мечтать о таком лакее, – ответил Том, –

[40] Болезни ученых *(лат.)*.

[41] *Бенефиция.* – В Средние века так называлось право пожизненного пользования землей, даваемое феодалом своему вассалу в награду за воинскую службу; в Новое время так называют в Англии назначение на должность ректора (настоятеля) приходской церкви, викария (его заместителя) и других церковнослужителей.

но если вы мне окажете эту услугу и взопреете, у меня найдется для вас вместо полотенца добрая дубинка».

Этот ответ взбесил Пранкли, но вместе с тем смутил его. После короткой паузы он отвел Тома к окну и, показывая на рощу на Клеркендаун, шепотом спросил, хватит ли у того духа встретиться там с ним завтра в шесть часов утра, прихватив с собой ящик с пистолетами. Истгет ответил утвердительно и твердо заявил, что не преминет встретиться с ним в назначенный час. С этими словами он покинул кофейню, оставив зачинщика поединка в сильном волнении. Утром Истгет, зная этого человека, явился в дом Пранкли и разбудил его в пять часов.

По всем вероятиям, сквайр проклял в душе его точность, но старался говорить свысока; приготовив свою артиллерию с вечера, они переправились на другой берег реки[42] – в конце Южной Променады. Покуда они поднимались на холм, Пранкли то и дело поглядывал на священника, надеясь прочесть на его лице неохоту драться, но, поскольку это не удалось, попытался его запугать:

– Если эти кремни сослужат службу, я покончу с тобой за несколько минут!

– Извольте делать свое дело, – отвечал другой, – а что до меня, то я пришел сюда не для забавы. Наша жизнь в руках господа, и один из нас уже стоит у порога вечности.

Эти слова произвели впечатление на сквайра, он побледнел и, заикаясь, пробормотал, что «грешно священнику ссориться и проливать кровь».

– Я вынес бы ваши оскорбления, если бы вы гнусной насмешкой не задели мой сан, а защищать его честь я почитаю своим долгом, даже если пришлось бы отдать за это кровь моего сердца. Да и какое же это преступление – избавить мир от распутного бездельника без чести, без совести и без религии!

– Ты можешь лишить меня жизни! – воскликнул Пранкли в сильном смятении. – Но не смей порочить мое доброе имя! Или у тебя нет совести?!

– Совесть моя спокойна, – ответил другой. – Но вот мы и пришли, сэр. Становитесь там, где вам понравится, готовьте ваш пистолет, и да сжалится господь в бесконечном своем милосердии над вашей дрянной душонкой!

Он произнес эти слова громко, торжественным тоном, сняв шляпу и возведя глаза к небесам; потом, вытащив большой седельный пистолет, он вручил его противнику и сам стал в позицию. Пранкли занял свое место и начал насыпать порох на запал, но руки дрожали у него столь сильно, что это ему не удавалось. Противник его, видя, что с ним творится, предложил свою помощь и с этой целью подошел к нему, но тут бедный сквайр, необычайно встревоженный всем виденным и слышанным, заявил, что хорошо было бы отложить поединок на другой день, ибо он не уладил своих дел.

– Я не написал завещания, и моим сестрам ничего не достанется, – сказал он. – Да к тому же я вспомнил об одном старом обещании, и моя совесть говорит мне, что я должен его выполнить… Сперва я тебе докажу, что я совсем не бездельник без совести и чести, а потом отнимай у меня жизнь, которую ты так жаждешь!

Истгет понял намек и, сказав, что не будет спорить из-за одного дня, добавил:

– Храни меня бог, чтобы я помешал вам поступить, как подобает честному человеку и любящему брату!

Благодаря такой отсрочке они мирно вернулись домой. Пранкли немедленно написал о назначении Истгета настоятелем церковного прихода и, вручив бумагу Истгету, сказал ему при этом, что все свои дела он уладил и готов идти с ним в рощу.

Но тут Том объявил, что не может и помыслить о том, чтобы поднять руку на своего благодетеля. Этим он не удовольствовался. Когда они в следующий раз встретились в кофейне,

---

[42] *…другой берег реки…* – Город Бат расположен на берегу реки Эйвон, так же как и город Бристоль, от которого упоминаемые в романе Горячие Воды отстояли в полутора километрах, тогда как Бат находился в двадцати километрах к юго-востоку.

он обратился к мистеру Пранкли с просьбой простить ему оскорбительные слова, какие он сказал в припадке гнева; сквайр любезно простил и сердечно пожал ему руку, объявив, что не желает ссориться со старым приятелем по колледжу.

Однако на следующий день он внезапно покинул Бат, а тогда Истгет рассказал мне обо всей этой истории, весьма довольный последствиями собственного здравомыслия, благодаря которому он добился церковного прихода с ежегодным доходом в сто шестьдесят фунтов.

О дядюшке я не пишу ничего, кроме того только, что завтра мы уезжаем в Лондон en famille[43]. Дядюшка, обе леди, горничная и Чаудер – в карете, а я со слугой – верхом. Наше путешествие я опишу в следующем письме, если только что-нибудь не помешает вашему

Дж. Мелфорду.

Бат, 17 мая

[43] Всем семейством *(франц.)*.

Доктору Льюису

Дорогой Дик!

Завтра я отправляюсь в Лондон, где я нанял помещение у миссис Нортон на Голден-сквер. Хоть я и не поклонник Бата, но покидаю его с сожалением, ибо расстаюсь кое с кем из старых приятелей, коих, по всем вероятиям, больше не увижу! В кофейне я часто слышал самые лестные отзывы о произведениях мистера Т., проживающего здесь джентльмена, который для собственного удовольствия пишет ландшафты. Поскольку я не очень доверяю мнениям кофейных знатоков и никогда не получал особливого удовольствия от сей отрасли искусства, такие отзывы не заставляли меня любопытствовать. Но вчера по просьбе близкого приятеля я пошел поглядеть сии картины, вызвавшие столь благожелательные толки. Должен признаться, я не судья в живописи, хотя очень люблю картины. Я не думаю, что мои чувства могли бы так меня обмануть, чтобы я восхитился чем-нибудь никуда не годным, хотя, сознаюсь, я и проходил мимо отменных красот в картинах, отличавшихся великими достоинствами.

Ежели я не совсем лишен вкуса, то сей молодой батский джентльмен – лучший из теперешних художников, пишущих ландшафты: его картины поразили меня так, как никогда не поражала ни одна картина. У его деревьев не только густая листва и они писаны не только сочным колером, пленяющим взор, но пышность и умение, с коими они изображены, не поддаются описанию. Его искусство изображать chiaroscuro[44], свет и тень, особливо солнечные блики, поистине удивительно как по затее, так и по исполнению, и он столь находчив в изображении перспективы на море посредством движущихся кораблей и уходящих в море мысов, что мне казалось, будто передо мной пространство лиг[45] в тридцать. Если в наш жалкий век, который все больше и больше погрязает в варварстве, еще сохранился вкус к искусству, то я полагаю, что сей живописец прославится, как только его произведения станут известны.

Два дня назад меня почтил визитом мистер Фицовен, каковой весьма церемонно домогался моего участия и голоса в выборах в парламент. Дерзость этого человека не должна меня возмущать, хотя она и весьма примечательна, если принять во внимание, что произошло между им и мной на предыдущих выборах. Сии визиты только обряд; претендент посещает каждого избирателя, даже того, кто, по его сведениям, держит сторону его соперника, дабы не могли его обвинить в гордости именно тогда, когда он должен казаться смиренным. В самом деле, я не знаю поведения более презренного, чем поведение человека, домогающегося голоса для получения места в парламенте. Это подлое заискивание (особливо перед избирателями боро[46], полагаю я) в большей мере способствует пробуждению в черни наглости, которую столь же трудно будет изгнать, сколь и дьявола.

Так или иначе, я был смущен бесстыдством Фицовена, но скоро оправился и сказал ему, что еще не решил, за кого подам свой голос, и вообще не знаю, буду ли я его подавать. Говоря по правде, оба претендента стоят один другого, и я почитал бы себя предателем конституции моей родины, ежели бы подал голос за кого-нибудь из них. Если бы все избиратели пришли к

---

[44] Светотень *(итал.)*.

[45] *Лига* – старая мера длины, около трех английских миль.

[46] *Боро* – город (либо местечко), некогда получивший от английского короля хартию на право самоуправления, освобождавшую от подчинения властям графства; вместе с этим боро получало право представительства в парламенте, чудовищно искажавшее идею народного представительства, ибо это право осуществлялось жителями и тогда, когда боро не только теряло какое бы то ни было экономическое значение, но и большую часть своего населения. В эпоху Смоллетта (и вплоть до 1832 г.) в Англии встречались боро, насчитывающие один-два десятка жителей, обладавших правами выбора члена парламента. На практике это всегда сводилось к тому, что члена палаты общин английского парламента назначал в малонаселенных боро местный землевладелец, от которого жители целиком зависели, являясь либо его арендаторами, либо лицами, занимавшими те или иные должности по его усмотрению. В других боро существовал тот же порядок выбора в парламент, что и в любом английском графстве, – порядок, который с возмущением описывает Брамбл, сам некогда «избранный» таким же способом.

такому заключению, у нас не было бы повода вопиять против продажности вельмож. Но все мы – шайка продажных, развращенных мерзавцев и столь утеряли чувство чести и совести, что в скором времени пороками будут почитаться добродетель и попечение об общем благе.

Дж. Х., поистине горячий патриот, представлявший столицу в нескольких парламентах, недавно говорил мне со слезами на глазах, что он прожил в Лондоне свыше тридцати лет и вел торговые дела со всеми именитыми купцами, но мог бы поклясться господом богом, что за всю свою жизнь встретил только трех-четырех человек, которых можно назвать честными; слова эти не столько удивили, сколько огорчили меня, ибо я сам встречал так мало людей достойных, что их можно считать исключением, которое, как в грамматике, только подтверждает общее правило.

Знаю, вы скажете, что Дж. Х. плохо видит сквозь туман предрассудков, а меня снедает хандра. Может быть, вы отчасти правы, ибо я заметил, что мое мнение о человечестве, подобно ртути в градуснике, поднимается и падает в зависимости от перемены погоды.

Прошу вас произвести расчеты с Барнсом; возьмите у него мои деньги и выдайте ему расписку. Ежели вы считаете, что у Дэвиса хватит денег или кредита содержать в порядке ферму, можете ему уменьшить следуемую мне арендную плату; это усилит его рвение, ибо, знаю я, ничто так не обескураживает фермера, как мысли о недоимках землевладельцу. Тогда он впадает в уныние, не работает, а ферма приходит в упадок.

Табби бушевала в течение нескольких дней из-за шкуры ягненка, которую работник Уильямс выпросил у меня, когда приезжал последний раз в Бат. Прошу вас, возьмите ее назад, а парню заплатите за нее сполна, чтобы я мог обрести покой в собственном доме; пусть только молчит об этом, ежели хочет сохранить свое место. Ох! Никогда я не стану презирать или осуждать любого беднягу, который страдает под башмаком жены, ибо я сам должен унижаться перед своей домашней ведьмой, хотя, благодарение господу, она и не спряжена на всю жизнь вместе со мной в брачную колесницу. Она поссорилась со всеми слугами в доме из-за чаевых, и с обеих сторон воспоследовала такая ругань, что я был вынужден тайком утихомирить горничную и кухарку. Разыщите какого-нибудь бедного джентльмена из Уэльса, дабы он мог избавить от этой драгоценной особы вашего

М. Брамбла.

Бат, 19 мая

Доктору Льюису

Доктор Льюис!

Уж позвольте мне вам сказать, что следует употреблять ваши таланты получше и не к чему вам помогать, чтобы слуги расхищали добро своих хозяев. От Гуиллим я узнала, что Уильямс забрал себе мою шкуру, и выходит, что он последний негодяй. Да и забрал-то он не только мою пряжу, а еще и сыворотку, чтобы откармливать своих свиней, и теперь он, верно, возьмет и мой турнюр, чтобы водить свою дочку в церковь и на ярмарку. Роджер берет и то и се, но ни одному мошеннику во всем королевстве я не позволю себя грабить.

И очень я удивляюсь, доктор Льюис, как это вы полагаете, что мои дела – это одно, а братнин домашний очаг – совсем другое. Я работала не покладая рук, и все на пользу семьи Матта, а себе не могла припасти шерсти даже на нижнюю юбку.

А что до сыворотки, то ни одна свинья во всем приходе не посмеет сунуть в нее свое рыло, нет на то моего разрешения. Есть в Горячих Водах знаменитый лекарь, который приписывает ее всем своим больным, когда у них чахотка, и все шотландцы и ирландцы уже принялись ее пить, и столько ее пьют, что около Бристоля не остается во всей округе ни одной капли для свиней. Пускай нашу сыворотку сливают в бочки и два раза в неделю посылают в Абергеванни, там ее можно продавать по полпенни за кварту, а Роджер пускай водит своих свиней на другой рынок.

Надеюсь, доктор, больше вы не будете вбивать в голову моего брата всякий вздор и не принесете убыток моему карману, и тогда (а покуда не к чему) я буду подписываться преданной вам

Таб. Брамбл.

Бат, 19 мая

Сэру Уоткину Филипсу, баронету, Оксфорд, колледж Иисуса

Дорогой Филипс!

Не дожидаясь вашего ответа на последнее мое письмо, я хочу дать вам отчет о нашем путешествии в Лондон, которое не обошлось без приключений.

В минувший вторник сквайр занял место в запряженной четверкой наемной карете вместе со своей и моей сестрами, а также с горничной мисс Табби, Уинифред Дженкинс, которая должна была держать на коленях подушку с Чаудером. Я чуть не расхохотался, заглянув в карету, где это животное восседало против моего дядюшки, словно какой-нибудь пассажир. Сквайр, смущенный своим положением, покраснел до ушей и, приказав форейторам трогать, поднял окошко перед самым моим носом. Я вместе с его слугой Джоном Томасом сопровождал карету верхами.

Ничего достойного упоминания не произошло, покуда мы не взобрались на Мальборо Даунс. Там, спускаясь с холма на рысях, одна из передних лошадей упала, а задний форейтор, пытаясь остановить карету, направил ее в глубокую колдобину, где она и опрокинулась.

Я ехал ярдах в двухстах впереди, но, услышав крики, поскакал назад и спешился, чтобы оказать посильную помощь. Заглянув в карету, я мог разглядеть только нижнюю половину Дженкинс, которая дрыгала ногами и вопила во весь голос.

Вдруг появилась лысая дядюшкина голова, и проворный, словно кузнечик, дядюшка выскочил из окна, воспользовавшись, как ступенькой, задом бедняжки Уинифред.

Слуга спешился, как и я, и вытащил из того же окошка беспомощную девицу, которая была ни жива ни мертва. Потом мистер Брамбл сорвал дверцу с петель, уцепился за руку Лидди и извлек ее на свет божий очень испуганную, но весьма мало пострадавшую. На мою долю выпало освободить тетушку Табиту, которая потеряла в суматохе капор; в страхе и бешенстве она походила на одну из фурий, что охраняют врата ада. Она даже не подумала позаботиться о брате, который суетился на холоду без парика и проявлял удивительную сноровку, помогая распрягать лошадей. Но зато она в полном смятении вопила:

«Чаудер! Чаудер! Мой милый Чаудер! Мой бедный Чаудер, наверно, погиб!»

Но это было не так: Чаудер, куснув дядюшку за ногу во время суматохи при падении, забился под сиденье, откуда лакей вытащил его за загривок, а в благодарность за услугу пес прокусил ему пальцы до кости. Парень, мрачный по натуре, так возмутился этой обидой, что дал ему под ребра хорошего пинка и воскликнул: «К черту этого сукиного сына! И его госпожу!»

Сие благословение отнюдь не прошло незамеченным неумолимой фурией, его хозяйкой. Однако дядюшка убедил ее удалиться в находившийся поблизости крестьянский дом, где они оба прикрыли себе головы, а с бедной Дженкинс случился припадок. Потом мы позаботились, чтобы заклеить пластырем ранку на дядюшкиной ноге, сохранившей отпечаток зубов Чаудера, но дядюшка ни одним словом не попрекнул виновника. Встревоженная этим мисс Табби вскричала:

– Вы молчите, Матт, но я-то знаю, что у вас на уме… Я знаю, какую злобу вы питаете к этому бедному, злосчастному животному! Знаю, что вы хотите лишить его жизни!

– Право же, вы ошибаетесь, – саркастически улыбаясь, ответил сквайр. – Как мог бы я лелеять столь жестокий умысел против такого приятного и безобидного создания, даже ежели бы оно не имело счастья быть вашим любимцем.

Джон Томас был не столь деликатен. То ли он в самом деле опасался за свою жизнь, то ли его обуревало желание отомстить, но, войдя, он потребовал, чтобы пса прикончили на том

основании, что если собака взбесится, то он, ею укушенный, окажется зараженным. Дядюшка спокойно доказывал нелепость его опасения, заметив, что и он сам находится в таком же бедственном положении и, разумеется, принял бы предлагаемые меры предосторожности, не будь он так уверен в том, что нет никакой опасности заразиться.

Тем не менее Томас упорствовал и под конец заявил, что, если пса немедленно не пристрелят, он сам казнит его. Эта угроза открыла шлюзы красноречия Табби, каковое заставило бы устыдиться лучших ораторов женского пола с Биллингсгейта. Лакей отвечал в том же тоне, и сквайр тут же его уволил, помешав мне, однако, проучить его хлыстом за наглость.

Когда карету привели в порядок, возникло еще одно затруднение: мисс Табита наотрез отказалась снова сесть в нее, покуда не заменят форейтора, который, по ее утверждению, предумышленно опрокинул карету. После длительных споров форейтор уступил свое место деревенскому оборванцу, который взялся довезти нас до Мальборо, где можно было сделать привал; туда мы и прибыли без помех около часу дня.

Однако мисс Брамбл нашла новое основание для обиды, а она обладала особым даром извлекать подобные основания из всего, что бы ни произошло. Только-только мы вошли в гостиницу в Мальборо, где остановились пообедать, как она пожаловалась на бедного парня, заменившего форейтора. Она сказала, что он прощелыга и бездельник, что у него нет даже рубахи и своим бесстыдством он оскорбляет ее, ибо показывает ей зад, за каковую неделикатность его следовало бы посадить в колодки. Мисс Уинифред Дженкинс подтвердила обвинение касательно его наготы, но при этом заметила, что кожа у него белая, как алебастр.

– Это ужасное обвинение! – воскликнул дядюшка. – Послушаем, что скажет парень в свое оправдание.

Парня призвали, у него вид был смешной и трогательный. Ему было лет двадцать; был он среднего роста, косолап, сутул, лоб у него был высокий, волосы рыжие, красноватые глаза, приплюснутый нос и длинный подбородок, а лицо болезненно-желтого цвета. Видно было, что он изголодался, и лохмотья еле-еле прикрывали те части тела, которые приличие требовало скрыть. Дядюшка, весьма внимательно осмотрев его, сказал с иронической миной:

– Как же вам, любезный, не стыдно ездить форейтором и не иметь рубашки, чтобы укрыть зад от взоров леди, сидящих в карете?

– Точно так, ваша честь, стыдно! – согласился парень. – Но на нет и суда нет, как говорит пословица… А к тому же со мной случилась беда. Как я сел в седло, штаны у меня сзади лопнули.

– Бесстыжий плут! – воскликнула мисс Табби. – Ехать без рубашки перед знатными особами!..

– Совершенно верно, ваша милость… Но я уилтширский бедняк… И, сказать по чести, нет у меня ни рубашки, ни другой какой тряпки, чтобы прикрыться… И нет у меня ни друзей, ни родичей, чтобы мне помочь… Вот эти полгода я болел горячкой и трясавицей и истратил на докторов и на пропитание – все, что у меня было. Прошу прощения у доброй леди, у меня уже целые сутки крошки хлеба во рту не было…

Мисс Брамбл, отвернувшись от него, сказала, что никогда не видела такого грязного оборванца, и приказала ему убираться вон, выразив опасение, как бы он не напустил в комнату насекомых. Брат ее внушительно на нее поглядел, когда они удалялись вместе с Лидди в другую комнату, а потом спросил парня, знает ли его кто-нибудь в Мальборо. Когда же тот ответил, что его с детства знает хозяин гостиницы, последний был призван немедленно и, будучи спрошен, объявил, что парня зовут Хамфри Клинкер; что он незаконнорожденный и доставлен был в приют для подкидышей; и что церковный приход отдал его в ученики к деревенскому кузнецу, который умер раньше, чем окончился срок обучения мальчика; что он некоторое время работал при гостинице подручным у конюха и запасным форейтором, покуда не заболел трясавицей, которая лишила его возможности добывать себе хлеб насущный; что для пропитания

и лечения он продал либо заложил решительно все, превратился в жалкого оборванца, стал позором для конюшни и был уволен, однако ему, хозяину, ничего плохого о нем не доводилось слышать.

– Значит, когда парень заболел и впал в нищету, – сказал дядюшка, – вы выгнали его помирать на улице…

– Я плачу налог на содержание бедняков, – ответил тот – и не могу кормить бездельников, все равно, больны они или здоровы. А к тому же такой жалкий парень осрамил бы мое заведение…

– Как видно, наш хозяин – христианин до мозга костей, – сказал мне дядюшка. – Кто осмелится порицать мораль нашего века, ежели даже трактирщики подают такие примеры человеколюбия? А вы, Клинкер, самый закоренелый преступник! Вы виновны в болезни, в голоде, в бедности, в нищете! Но наказывать преступников не мое дело, а потому я возьму на себя только труд дать вам совет: как можно скорей достаньте себе рубаху, чтобы ваша нагота отныне не оскорбляла благородных леди, особливо девиц не первой молодости!

С этими словами он вложил гинею в руку бедняги, который взирал на него молча, разинув рот, пока хозяин не вытолкал ею из комнаты.

Поздней, когда тетушка вошла в карету, она не без удовлетворения заметила, что форейтор, ехавший перед ней на лошади, был уже не тот оборванец, который вез их в Мальборо. И в самом деле, разница бросалась в глаза. Это был опрятно одетый парень, в шляпе с узкими полями и золотым галуном, в коротком парике, в хорошей синей куртке, в кожаных штанах и в чистой полотняной рубахе, топорщившейся спереди. Когда мы приехали в замок на Спинхилле, куда держали путь, этот новый форейтор выказал замечательную сноровку, перетаскивая разные узлы; и в конце концов мы узрели физиономию Хамфри Клинкера, с которым произошла указанная метаморфоза благодаря тому, что он выкупил часть своих собственных вещей на деньги, полученные от мистера Брамбла.

Несмотря на то, что остальная компания была очень довольна благодетельной переменой в наружности бедняги, перемена эта вызвала желчное раздражение мисс Табби, которая все еще не переварила оскорбления, нанесенного его наготой. Она с негодованием задрала нос и сказала, что парень, конечно, пришелся по вкусу ее брату, ибо он оскорбил ее своим бесстыдством; что у дурака деньги в кармане недолго держатся, и, если Матт намеревается взять парня с собою в Лондон, она не двинется с места.

Дядюшка не сказал ничего, но взгляд его был достаточно выразителен, и на следующее утро Клинкер уже не появлялся, так что мы без дальнейших пререканий доехали до Солтхилла, где собирались пообедать. А там первым, кто очутился у кареты и стал прилаживать подножку, был не кто иной, как Хамфри Клинкер.

Когда я высаживал мисс Брамбл из кареты, она метнула на него разъяренный взгляд и прошла в дом. Дядюшка был озадачен и брюзгливо спросил его, как он сюда попал. Парень ответил, что «его честь» был слишком добр к нему и у него не хватило духу расстаться с «его честью» и что он последует за дядюшкой хоть на край света и будет ему служить до конца дней своих, не требуя никакого жалованья или награды.

Мистер Брамбл не знал, ругать ли его, или засмеяться в ответ на такие слова. Он предвидел со стороны Табби сильное противодействие, однако благодарность Клинкера пришлась ему по душе не меньше, чем его простодушие.

– Предположим, я захотел бы взять вас к себе на службу, что вы умеете делать? – спросил он.

– О, ваша честь! – воскликнул чудаковатый парень. – Я умею читать и писать и работать на конюшне. Я могу ходить за лошадью, подковывать ее, пускать ей кровь, продергивать заволоку, а что до холощенья свиней, так я не откажусь холостить любого борова в Уилтшире, могу также делать свиные колбасы, гвозди с широкой шляпкой, чинить чайники и лудить кастрюли.

Тут дядюшка стал хохотать и осведомился, какие у него еще есть таланты.

– Я немножко умею играть в лапту и петь псалмы, – продолжал Клинкер, – умею играть на варгане[47], петь «Черноокую Сьюзен», «Артура О'Брэдли» и другие песенки, могу станцевать валлийскую джигу и «Нэнси Даусон», побороться с любым парнем моего роста, когда придет охота, и, с вашего позволения, могу раздобыть зайца, если ваша честь захочет дичи.

– Черт побери! Да ты парень хоть куда! – воскликнул дядюшка, все еще смеясь. – Я не прочь взять тебя к нам в дом. А ну-ка попытайся помириться с моей сестрицей. Ты ее очень оскорбил, показав голый зад!

Держа шляпу в руке, Клинкер последовал за нами в комнату, где обратился к мисс Табите:

– Покорно прошу, ваша милость, извинить и простить меня, что я вас оскорбил, с божьей помощью я буду стараться, чтобы мой зад больше вас не оскорблял, а я не был бы из-за него виноват. Умоляю вас, милая, добрая, прекрасная леди, смилуйтесь над жалким грешником! Господь да благословит ваше благородное лицо! Вы слишком красивы и великодушны, чтобы желать зла, а я буду вам служить на коленях и ночью и днем, и на суше и на море и только ради удовольствия прислуживать такой превосходной леди!

Эти славословия и смирение произвели некоторое действие на Табби, но она оставалась безгласной, а Клинкер, приняв молчание за знак согласия, стал прислуживать за обедом.

Природная неуклюжесть Клинкера и его волнение привели к тому, что, прислуживая, он не раз попадал впросак. В завершение он уронил на правое плечо Табби кусочек драчены и, отскочив назад, наступил на Чаудера, который отчаянно взвыл.

Бедняга Хамфри столь был огорчен этой двойной оплошностью, что уронил фарфоровое блюдо, которое разбилось вдребезги. Тут он в отчаянии упал на колени и остался в этой позиции с разинутым ртом; вид у него был самый дурацкий. Мисс Брамбл подлетела к псу и, схватив его на руки, протянула брату и закричала во весь голос:

– Это заговор против несчастного животного, которое повинно только в том, что любит меня! Вот оно, убейте его сразу, тогда вы будете довольны!

Клинкер, услыхав эти слова и приняв их за чистую монету, вскочил с колен и, схватив нож с буфета, закричал:

– Только не здесь, добрая леди! Зачем пачкать комнату? Дайте его мне, ваша милость, я отнесу его в придорожную канаву.

В ответ на это предложение он получил по уху и отлетел в другой конец комнаты.

– Вот оно что! – закричала мисс Табби. – Каждая шелудивая тварь, которую вы подобрали на дороге, смеет меня оскорблять! Немедленно прогоните этого мерзавца!

– Ради бога, сестра, успокойтесь! – сказал дядюшка. – Поймите, что этот бедняга неповинен в желании вас оскорбить.

– Неповинен, как грудной младенец! – подхватил Хамфри.

– Я вижу ясно, что вы его подстрекаете! – воскликнула неумолимая девица. – Вы решили поощрять его бесстыдство! Вот она, благодарность за все услуги, какие я вам оказывала! За то, что ухаживала за вами, когда вы были больны, вела ваше хозяйство, спасала вас, неразумного, от разорения. Но теперь выбирайте: либо я, либо этот негодяй! Решайте немедленно. Пусть все узнают, кого вы больше уважаете: свою кровь и плоть или нищего подкидыша, найденного в навозной куче!

Глаза мистера Брамбла заблистали, и он заскрежетал зубами.

– Стало быть, – начал он, повысив голос, – все дело в том, хватит ли у меня духа раз и навсегда сбросить непосильное ярмо, или хватит подлости поступить жестоко и несправедливо, потакая капризу злобной женщины. Ну, так слушайте, мисс Табита Брамбл! Теперь, в

[47] *Варган* – народный музыкальный инструмент.

свою очередь, и я вам предлагаю на выбор: либо расстаньтесь с вашим четвероногим любимцем, либо я распрощаюсь с вами навеки! Я порешил: с вашим псом я больше под одной кровлей жить не стану. А теперь извольте обедать, если у вас есть аппетит.

Она была поражена, как громом, этими словами и уселась в углу; помолчав несколько минут, она произнесла:

– Я вас не понимаю, Матт.

– А я с вами говорил на чистейшем английском языке, – с решительным видом отозвался сквайр.

– Сэр, вы имеете право приказывать, а мой долг – повиноваться. – сказала сия фурия, не на шутку присмирев. – Я не могу оставить собаку здесь, разрешите ей доехать в карете до Лондона, а я даю слово, что она никогда вас больше не будет беспокоить.

Дядюшка был совсем обезоружен таким смиренным ответом и объявил, что на любую разумную ее просьбу он не может ответить отказом; при этом он прибавил:

– Надеюсь, сестра, вы никогда не могли пожаловаться на отсутствие у меня родственных чувств.

Мисс Табита тотчас же встала и, обняв его за шею, поцеловала в щеку. Он с чувством ответил на ее поцелуй. Лидди всхлипнула, Уин Дженкинс кудахтала, Чаудер прыгал, а Клинкер сновал вокруг и потирал руки, радуясь такому примирению.

Согласие было восстановлено, мы не без приятности кончили наш обед и вечером без всяких приключений прибыли в Лондон.

Тетушке как будто пошло на пользу внушение, сделанное братом. Ей угодно было сменить гнев на милость, и теперь Клинкер служит у нас лакеем и дня через два появится в новой ливрее; но так как он мало знаком с Лондоном, мы взяли временного слугу, которого я намереваюсь потом оставить при себе.

Мы живем на Голден-сквер в доме некой миссис Нортон, благопристойной леди, которая заботится о наших удобствах. Дядюшка для развлечения своих питомцев собирается обозреть все примечательные места в столице; по, поскольку мы с вами знакомы с большинством мест, которые он намерен посетить, и с рядом других, о коих он и не подозревает, я буду сообщать вам только о тех, которые в какой-то мере вам незнакомы.

Кланяйтесь от меня нашим друзьям по колледжу Иисуса и верьте, дорогой мой баронет, что я остаюсь всегда вам преданным

Дж. Мелфордом.

Лондон, 24 мая

Доктору Льюису

Дорогой доктор!

Лондон в самом деле для меня новый город. Новы для меня улицы, дома, даже расположение его. Как говорят ирландцы: «Лондон выбрался за город».

Там, где я оставил поля и луга, теперь я нашел улицы и площади, дворцы и церкви. Из верного источника я узнал, что в течение семи лет в одной только части города, в Вестминстере, выстроено одиннадцать тысяч новых домов, да к сему надо еще прибавить те, которые ежедневно появляются в разных частях сей громоздкой столицы. Пимлико и Пайтсбридж почти слились с Челси и Кенсингтоном, и ежели такое безумие продолжится еще в течение полувека, все графство Миддлсекс покроется кирпичом.

Однако следует признать, к чести нашего века, что Лондон и Вестминстер вымощены[48] и освещены лучше, чем раньше. Новые улицы – широкие, прямые, на них просторно, а дома, следует признать, удобны. Мост у Блекфрайерс – славный памятник изящного вкуса и полезен для общества. Я диву даюсь, как это удалось возвести нечто столь величественное и полезное.

Но, невзирая на сии улучшения, столица стала походить на разросшееся чудовище, которое со временем, словно распухшая от водянки голова, лишенная питания и поддержки, отделится от тела. Сия нелепость обнаружится в полной мере, если мы вспомним, что одна шестая из числа жителей нашего обширного государства скучена в одном месте. Можно ли удивляться тому, что наши деревни пустеют, а фермы нуждаются в батраках! Разрушение мелких ферм – всего лишь одна из причин уменьшения народонаселения. Ведь лошади и рогатый скот, который разводится в невероятном количестве, дабы удовлетворить потребность в роскоши, нуждаются в непомерных запасах сена и трав, но для их уборки не нужно много рабочих рук; однако в сих руках всегда будут нуждаться другие отрасли земледелия, невзирая на то, каковы фермы – крупные или мелкие…

Жажда роскоши, как морской прибой, унесла с собой жителей поместий; самый бедный сквайр, также как и богатейший пэр, желает иметь дом в городе и изображать собой персону с огромным количеством домочадцев. Пахарей, пастухов и прочих батраков соблазняют и развращают вид и речи щеголей в ливреях, приезжающих летом в поместья. Они стараются бежать от грязи и черной работы и толпами устремляются в Лондон в надежде поступить там в услужение, жить в роскоши и наряжаться, не утруждая себя работой; леность свойственна человеческой природе. Очень многие из них, обманувшись в своих ожиданиях, становятся ворами и мошенниками, а Лондон, сия огромная дикая страна, где нет ни охраны, ни бдительного надзора, ни порядка, ни благочиния, предоставляет к их услугам вертепы, равно как и добычу.

Много есть причин, кои способствуют ежедневному притоку этих людей, но все эти причины сливаются в одном могучем источнике – в жажде роскоши и в растлении нравов. Лет двадцать пять назад очень немногие из числа наиболее богатых граждан Лондона держали собственные кареты или ливрейных слуг. На столе у них не бывало разносолов, одни только простые кушанья, бутылка портвейна да кувшин пива. А ныне любой купец, хоть сколько-нибудь преуспевающий, любой биржевой маклер или адвокат держит двух-трех лакеев, кучера и форейтора. У него есть городской дом, загородный дом, карета и портшез. Его жена и дочки

---

[48] *…Лондон и Вестминстер вымощены…* – Брамбл имеет в виду, конечно, только Лондон, но, упоминая о Вестминстере, отдает дань традиции. Ибо там, на берегу Темзы, где находятся Вестминстерское аббатство и здания парламента, некогда стоял монастырь (Вестминстер – Западный монастырь), и с течением времени район вокруг этого монастыря, который был расположен на холме Тауэр, стал населенным пунктом в Лондонском графстве, получив право представительства в парламенте. До конца XVI в. этот район еще не сливался с Лондоном, но затем вошел в границы последнего, сохранив по традиции право выбора двух членов палаты общин. Прошло свыше ста лет после смерти Смоллетта, пока этот нелепый порядок не был отменен.

красуются в самых дорогих нарядах, усыпанных брильянтами. Они бывают при дворе, в опере, в театре, на маскарадах. У себя дома они устраивают ассамблеи, роскошные приемы и угощают бордоскими, бургундскими и шампанскими винами.

Зажиточный торговец, который раньше привык проводить вечера в пивной и тратил четыре с половиной пенса, теперь оставляет в таверне три шиллинга, покуда его жена забавляется картами дома; у нее тоже должны быть прекрасные наряды, портшез либо иноходец; она снимает помещение за городом и трижды в неделю посещает места публичных увеселений. Любой клерк, любой ученик ремесленника, даже слуга из таверны или кофейни держит мерина, либо собственного, либо в компании с кем-нибудь, и старается видом и нарядом походить на петимэтра[49]. В самых оживленных местах публичных увеселений полным-полно модников и модниц, которые на поверку оказываются поденными портными, лакеями, горничными, разодетыми не хуже своих господ.

Короче говоря, не осталось никаких отличий и никакой субординации. Все занятия перемешались: каменщик, мелкий ремесленник, трактирщик, слуга из пивной, лавочник, крючкотвор, горожанин и придворный наступают друг другу на мозоли; их понукают демоны распутства и бесчинства, их можно видеть повсюду, они шляются, гарцуют, крутятся, рвутся вперед, толкаются, шумят, трещат, грохочут; все заквашено на гнусных дрожжах тупости и разгула; всюду сумятица и суетня. Можно подумать, что они одержимы каким-то сумасшествием, которое не позволяет им сохранять спокойствие. Пешеходы мчатся столь стремительно, словно их преследуют судебные приставы. Носильщики бегут со своей кладью. Те, у кого есть своя карета, мчатся по улицам во весь опор. Даже простой люд, лекари и аптекари мелькают, как молния, в своих двуколках. От лошадей наемных карет валит пар, и мостовая дрожит под ними, и я своими глазами видел, как фургон мчался по Пиккадилли галопом. Словом, может показаться, что вся страна сходит с ума.

Развлечения не худо приспособлены по вкусам сего нелепого чудовища, именуемого публикой. Ей нужны шум, толчея, блеск, мишура, но об изяществе и благопристойности она не помышляет.

Каковы увеселения в Рэнлаге? Половина посетителей идет по кругу, друг другу в затылок, словно слепые ослы на маслобойне; ни побеседовать, ни узнать друг друга нет никакой возможности; а другая половина пьет кипяток, называемый чаем, до девяти-десяти часов вечера, дабы бодрствовать до позднего часа. Что до оркестра, а особливо до певцов, то для них же к лучшему, что их почти нельзя расслышать. Вокс-Холл – нелепое сооружение, обремененное плохими украшениями, плохо задуманное и выполненное, без плана, дурно расположенное. Устроено здесь все несуразно, причудливо освещено, как бы для того, чтобы ослеплять глаза и поражать воображение черни. Тут лежит деревянный лев, там стоит каменная статуя, в одном месте – ряд каких-то ящиков, похожих на крытые ложи в кофейне; в другом месте – множество скамеек из пивной; в третьем – игрушечный водопад из жести; в четвертом – мрачная круглая пещера, похожая на полуосвещенный склеп, а в пятом – крохотная лужайка, на которой негде пастись и осленку. Аллеи, самой природой предназначенные для уединения, прохлады и тишины, заполнены шумливой толпой, вдыхающей ночные испарения нездоровой местности; и среди сих веселых сцен мерцают фонари, точно свечи, ценой фартинг за штуку.

Когда я вижу нарядно одетую публику обоего пола, сидящую на скамьях и выставленную напоказ толпе либо, что еще хуже, вдыхающую ночной сырой и холодный воздух, когда я вижу, как она пожирает ломтики говядины и упивается портвейном, пуншем и сидром, я не могу не сожалеть о ее безрассудстве, хотя и презираю ее за отсутствие вкуса и благопристойности. Но когда она прогуливается по мрачным, сырым аллеям или толчется на мокром песке, а защитой ей служит только свод небесный, и слушает она какую-нибудь песню, которую мало кто может

[49] *Петимэтр* – искаженное французское petit maitre, щеголь, франт.

расслышать, то как мне отрешиться от мысли, что ее обуял дух, более нелепый и пагубный, чем тот, каковой нам знаком по Бедламу?

По всем вероятиям, владельцы сего публичного сада, а также других менее известных садов, находящихся на окраинах столицы, связаны с лекарями и с гробовщиками; ибо, размышляя о погоне за наслаждениями, охватившей ныне решительно все слои населения и все стороны жизни, я убежден, что во время сих ночных развлечений заболевает подагрой, ревматизмом, катарами и чахоткой больше народа, чем при всех превратностях жизни трудовой и полной опасности и лишений.

Эти, а равно и другие наблюдения, сделанные мной во время сего путешествия, сократят срок моего пребывания в Лондоне и побудят меня с сугубым удовольствием вернуться в мое уединение и к моим горам; но вернусь я домой не той дорогой, какой ехал в столицу. Я встретил старых приятелей, постоянно проживающих в этой достославной столице, но нрав у них и склонности столь изменились, что стали мы друг другу чужими.

По дороге из Бата сестра Табби вызвала у меня взрыв гнева, и тут я, словно человек, который набрался храбрости во хмелю, поговорил с ней столь резко и внушительно, что добился вожделенного успеха. После такого урока она и ее пес удивительно смирны и послушны. Как долго будет продолжаться это благостное затишье, одному богу известно. Я льщу себя надеждой, что сие путешествие принесло пользу моему здоровью; таковая надежда побуждает меня продолжить путешествие на север.

Но покуда я должен для блага и развлечения моих питомцев исследовать до самых глубин сей хаос, сию уродливую, чудовищную столицу, не имеющую ни головы, ни хвоста, ни конечностей, ни пропорций.

Томас так нагрубил в пути моей сестре, что я был вынужден немедленно его прогнать между Чиппенхемом и Мальборо, где наша карета опрокинулась. Этот парень всегда был угрюм и себялюбив; но ежели бы он воротился в усадьбу, можете выдать ему аттестат, свидетельствующий о его честности и трезвости; буде же он станет себя вести с должным уважением к нашему семейству, дайте ему две-три гинеи от имени всегда вам преданного

М. Брамбла.

Лондон, 29 мая

Мисс Летиции Уиллис, в Глостер

Милая моя Летти!

Невыразимое удовольствие доставило мне ваше письмо от 25-го, которое было вручено мне вчера вечером миссис Бренгвуд, модисткой из Глостера. С радостью услыхала я о том, что моя достойная воспитательница находится в добром здоровье, а еще больше порадовалась, узнав, что она перестала сердиться на свою бедную Лидди. Сожалею, что вы лишились общества любезной мисс Воген, но, надеюсь, вам недолго придется сетовать на отъезд ваших школьных приятельниц, ибо, вне всяких сомнений, родители ваши в скором времени вывезут вас в свет, где вы при отличающих вас достоинствах займете видное положение. Когда это совершится, я льщу себя надеждой, что мы с вами встретимся снова и будем счастливы вместе, и еще крепче будет дружба, которую мы заключили в юном возрасте. Я могу обещать, что с моей стороны будут приложены все усилия, чтобы наш союз остался нерушимым до конца жизни.

Дней пять назад мы прибыли в Лондон, совершив приятное путешествие из Бата, хотя по дороге карета наша опрокинулась и приключились еще кое-какие незначительные происшествия, которые вызвали размолвку между дядюшкой и тетушкой, но теперь, слава богу, они примирились. Мы живем в добром согласии и каждый день отправляемся обозревать чудеса этой обширной столицы, которую, однако, я не берусь описывать, так как до сей поры не видала еще и одной сотой ее диковинок, и к тому же голова у меня затуманилась от восхищения.

Города Лондон и Вестминстер раскинулись на необъятном пространстве. Здесь великое множество улиц, площадей, проспектов, улочек и переулков. Повсюду высятся дворцы, публичные здания и церкви, и среди этих последних особливо поражает громадный собор Святого Павла. Говорят, он не так велик, как собор святого Петра в Риме, но что до меня, то я и представить себе не могу более величественного и пышного храма на земле.

Однако даже все это великолепие менее поразительно, чем толпы людей, снующих по улицам. На первых порах я вообразила, будто только что закончилась какая-нибудь блистательная ассамблея, и хотела обождать в сторонке, пока народ разойдется. Но сей людской поток катится беспрерывно и не иссякает с утра до ночи. И столько нарядных колясок, карет, портшезов, повозок проносится и мелькает перед вашими глазами, что, когда вы глядите на них, голова у вас кружится, а роскошь и разнообразие картин потрясают воображение.

Не только на суше, но и на воде зрелище изумляет и поражает. Вы видите три огромных моста, соединяющих противоположные берега полноводной, глубокой и быстрой реки; они так широки, так величественны и красивы, что кажется, точно их создали гиганты. Вся поверхность Темзы между ними покрыта маленькими суденышками, баржами, лодками и яликами, снующими взад и вперед, а ниже этих трех мостов тянется такой бесконечный лес мачт на протяжении многих миль, что можно подумать, будто здесь собрались корабли со всей вселенной. Все, что читали вы в арабских и персидских сказках о Багдаде, Диарбекире, Дамаске, Исфагани и Самарканде, все это богатство и роскошь видите вы здесь воочию.

Рэнлаг подобен зачарованному дворцу волшебника, разукрашенному чудными картинами, резьбой и позолотой, освещенному тысячью золотых фонарей, с которыми не может состязаться само полуденное солнце, и наполненному толпой людей знатных, богатых, веселых и счастливых, в сверкающих золотых и серебряных одеждах, кружевах и драгоценных каменьях. Эти ликующие сыны и дщери блаженного счастья в сем саду веселья прогуливаются или в различных уголках и павильонах пьют чудесный вкусный чай и другие восхитительные напитки, в то время как их слух услаждают самая пленительная музыка и пение. Здесь я слышала знаменитого Тендуччи из Италии – он как две капли воды похож на мужчину, хотя говорят, что не мужчина. И в самом деле, голос у него мелодичнее, чем может быть у мужчины или

женщины, и пел он столь божественно, что, слушая его трели, я поистине чувствовала себя, как в раю.

В девять часов, в прелестный лунный вечер, мы отплыли из Рэнлага в Бокс-Холл в ялике, таком легком и изящном, что мы похожи были на фей, плывущих в ореховой скорлупе. Дядюшка, опасаясь простудиться на воде, отправился кружным путем в карете, и тетушка хотела сопровождать его, но он не разрешил бы мне плыть по воде, если бы она поехала сушей, а потому тетушка удостоила нас своего общества, заметив, сколь любопытно мне совершить эту приятную переправу. В конце концов суденышко оказалось весьма нагруженным, так как, кроме лодочника, с нами был еще мой брат Джерри и один из его приятелей, некий мистер Бартон, богатый помещик-джентльмен, который у нас обедал.

Однако удовольствие, доставленное этой маленькой прогулкой, было при нашей высадке отчасти испорчено, так как я очень испугалась: там мы увидели множество яликов и толпу людей, которые орали, ругались и ссорились, а несколько человек безобразного вида вошли даже в воду и изо всех сил уцепились за нашу лодку, чтобы втащить ее на берег, и ни за что не хотели выпустить ее, пока мой брат не ударил одного из них тростью по голове.

Но этот переполох был вполне возмещен прелестями Вокс-Холла: не успела я вступить туда, как уже была ослеплена и ошеломлена красотами, сразу представшими пред моими глазами. Вообразите себе, милая моя Летти, обширный сад, часть которого пересечена упоительными аллеями, обрамленными высоким кустарником и деревьями и усыпанными гравием; в другой же части его открываются самые удивительные и прекраснейшие павильоны, беседки, гроты, лужайки, храмы и каскады, портики, колоннады и ротонды, украшенные колоннами, статуями и картинами, и все это освещено великим множеством фонарей, блистающих, как солнца, звезды и созвездия. В саду толпится нарядная публика, которая прогуливается по этим прелестным аллеям или сидит в беседках за холодным ужином, веселится или отдыхает, слушая превосходную музыку. Не считая других певцов и певиц, я имела счастье слышать знаменитую миссис ***, чей голос столь звучен и пронзителен, что у меня от чрезмерного наслаждения разболелась голова.

Примерно через полчаса после нашего прибытия к нам присоединился дядюшка, который как будто не был в восторге от Вокс-Холла. Люди, обремененные опытом и недугами, видят все по-иному, совсем не так, как мы с вами, милая моя Летти!

Наше вечернее увеселение было прервано досадным случаем. В одной из отдаленных аллей нас внезапно застиг ливень, он обратил в бегство всю компанию, и мы, толкая друг друга, помчались в ротонду, где дядюшка, убедившись, что сильно промок, начал брюзжать и настаивать на отъезде. Мой брат отправился на поимку кареты и нашел ее с большим трудом, а так как она не могла вместить всех нас, то мистер Бартон остался.

В этой сутолоке не скоро удалось доставить карету к воротам, несмотря на все старания нашего нового лакея Хамфри Клинкера; он потерял свой полупарик, и ему чуть не проломили голову во время драки.

Как только мы уселись, тетушка разула дядюшку и заботливо окутала его бедные ноги своим плащом с капюшоном; потом она дала ему глотнуть сердечного лекарства, которое всегда носит в кармане, а по приезде нашем домой он тотчас переоделся. И вот, хвала богу, он избежал простуды, которой очень страшился.

Что до мистера Бартона, то должна сказать вам по секрету – он оказывал мне особые знаки внимания, но, может быть, я неверно поняла его услужливость, и это было бы хорошо для него самого. Вам ведомо, что таится в моем бедном сердце, которое вопреки жестокому обхождению… и, однако, жаловаться я не должна и не буду впредь до получения известий.

Кроме Рэнлага и Вокс-Холла, я побывала еще у миссис Корнелис[50] на ассамблее и не нахожу слов, чтобы описать залы, общество, наряды и убранство. Но не имея особой любви к карточной игре, я еще не могла отдаться всею душою этому развлечению. В самом деле, я до сей поры остаюсь такой деревенской дикаркой, что у меня едва хватает терпения привести себя в надлежащий вид для появления в свете, хотя всего только часов шесть мною занимался парикмахер, который потратил на мою прическу столько черной шерсти, что ее хватило бы на стеганую юбку, и все же на ассамблее моя голова была самой маленькой, если не считать головы моей тетушки. А тетушка в приплюснутом сзади платье и юбке, с редкими локонами, с лентами на головном уборе, с рюшью, нашитой в три ряда на рукавах и в высоком корсете имела столь странный вид, что все смотрели на нее с изумлением. Одни перешептывались, другие посмеивались, а леди Грискин, которая нас представила, сказала ей напрямик, что она на добрых двадцать лет отстала от моды.

Леди Грискин – светская особа, с которой мы имеем честь состоять в родстве. У нее в доме собираются для карточной игры, но всегда только на десяти – двенадцати столах, а бывает у нее самое лучшее общество. Она весьма любезно представила мою тетушку и меня кое-кому из своих знатных друзей, которые обходятся с нами очень мило и без всяких церемоний. Один раз мы у нее обедали, и она взяла на себя попечение о нас. Мне посчастливилось завоевать ее расположение в такой степени, что она собственноручно поправляет у меня на голове шляпку и даже любезно предложила мне остаться с ней на всю зиму. Однако ее приглашение было резко отклонено дядюшкой, который, неведомо почему, питает, кажется, предубеждение против этой доброй леди; стоит тетушке сказать что-нибудь в похвалу ей, как я уже замечаю, что он начинает строить гримасы, хотя и не говорит ни слова. Впрочем, гримасы эти, может быть, объясняются болью, вызванной подагрой и ревматизмом, от которых он очень страдает. Однако ко мне он всегда добр, а щедрость его даже превышает мои желания. По приезде нашем сюда он преподнес мне отделанный кружевами нарядный убор, который стоит столько денег, что я даже упоминать об этом не стану. По его желанию Джерри передал мне брильянтовые подвески моей матери, для которых заказана новая оправа, и потому не вина моего дядюшки, если я не сверкаю среди звезд четвертой или пятой величины. Хотела бы я, чтобы бедная моя голова не закружилась от всей этой галантности и развлечений. Однако до сей поры я с твердостью могу заявить, что рада была бы отказаться от шумных увеселений, предпочитая им деревенское уединение и счастливую тихую жизнь с теми, кого мы любим и среди которых моя Уиллис всегда будет занимать первое место в сердце навеки ей преданной

[50] *Миссис Корнелис* – (1723–1797) – владелица зала, в котором устраивались по подписке балы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.